

КРЕМЛЬ 2222



Дмитрий Силлов

Дмитрий Олегович Силлов
Кремль 2222. Юг
Серия «Кремль 2222»
Серия «Снайпер», книга 3

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651925
Дмитрий Силлов. Кремль 2222. Юг: АСТ, Астрель-СПб; Москва, СПб; 2011
ISBN 978-5-17-072343-0, 978-5-9725-1950-7*

Аннотация

Цивилизация погибла. Все, что осталось от России, – Поля Смерти и горстка людей, обороняющих московский Кремль от биороботов, киборгов, безумных шаманов и прочей нечисти, порожденной Третьей мировой войной. Молодой кремлевский дружинник Данила, сбежавший из плена нелюдей, в руинах бывшей столицы России встречается человека, который не боится ни биороботов, ни телепатов. Человека, пришедшего из мира, где Последняя Война еще не проиграна. Этот мир называется Зоной. А человека зовут – Снайпер.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

49

Дмитрий Силлов Кремль 2222. Юг

Автор искренне благодарит замечательного писателя Александра Мазина за бесценные советы, полученные от него в процессе написания романа, а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Их было не меньше сотни. Нечесанные космы грязной шерсти, под которой перекатывались бугры чудовищных мускулов, раззявленные клыкастые пасти, дубины в лапах, обработанные острыми камнями или арматурой, заточенной об камни... И глаза, горящие ненавистью и неутоленной жадой крови. Вряд ли кто теперь скажет точно, откуда появились нео, – люди это, под действием Полей Смерти ставшие полуживотными, или животные, благодаря этим Полям превратившиеся в полулюдей...

Впрочем, надо признать, что нео была свойственна вполне людская хитрость. Засаду для разведчиков они продумали грамотно. Правда, не учли, что кремлевские не пеших пластунов пошлют в рейд, а конное отделение верхом на фенакодусах. Разведка боем – так в древности называлась похожая тактика. Ударить с наскока, промчаться по территории противника, высмотреть все, что нужно, побросать трофеи в седельные сумы – и ходу обратно, в приоткрытую щель Спасских ворот, которые, пропустив конников, захлопнутся перед самым носом врага, разгоряченного погоней. Да еще с надвратной стрельницы шибко шустрые нео свинцовый гостинец в пасти получают – если они, конечно, не опомнятся и раньше не прекратят погоню.

Так бывало уже не раз. Но сегодня наученные горьким опытом нео как-то сумели просчитать маршрут ударной группы и блокировали выход меж разрушенной башней Форта и Храмом Покрова, который не смогли разрушить ни вражеские боевые роботы в Последнюю Войну, ни неумолимое время. Почти два столетия прошло с той войны, а главное укрепление Форта, храм-крепость с кирпичными стенами трехметровой толщины и бойницами, позволяющими контролировать все сектора Красной Площади, до сих пор стоит практически неповрежденным. На нейтральной территории. На которую и нео сунуться боятся, опасаясь пушек Кремля, и люди пока не могут удержать... И смогут ли в дальнейшем? Неизвестно...

– Давай, родимый, не подведи, – шепнул Данила своему Бурке на ухо. Почему Буркой названа лошадь, понятно. Большинство коней в Кремле так зовут, и Данилин – не исключение. Кожа боевой лошади-мутанта бурая, словно засохшая кровь, оттого и имя. Люди, которые до недавнего времени поколениями не вылезали из противорадиационных костюмов высшей защиты, мутациям не подверглись. А вот лошади изменились. И стали очень похожи на своих первобытных предков-фенакодусов, обрета пасть с устрашающими зубами, когтистые лапы и отменные боевые качества. Причем с людьми фенакодусы доброжелательны, особенно с детишками, которых любят как своих жеребят. Но если нео увидят – всё. Звереют моментом и тут же норовят откусить голову, разгрызть как орех и выжрать мозг. Причем все это не сбавляя скорости бега...

Меч, повинувшись отработанному движению руки, рубанул наискось – и нео с занесенной дубиной развалился надвое от плеча до пояса. Дубина, звякнув воткнутыми в нее обрезками арматуры, удачно упала на брусчатку – прямо под ноги второму мутанту с деревянным шестом, заточенным под копьё. Такими шестами с остриями, обожженными на огне для крепости, нео часто пытались в бою пробить грудь фенакодусов. Но все кони разведчиков имели нагрудники – где из досок выточенные, а где и стальные. К тому же с самодельным копьём в свалке не развернуться, потому мутант-копейщик явно погорячился, прихватив длинномер

в засаду. А тут еще дубина бывшего товарища под лапу попалась. На которую он и наступил, навалившись всем весом и примяв пяткой пару заточенных арматурин.

Заорать копейщик не успел, лишь глаза выпучил и пасть разинул. Туда, в эту пасть, и ткнул Данила острием меча, перерубив гортань вместе с шейными позвонками. И выдернул меч поскорее – были случаи, когда нео, ухватив клинок зубами, повисали на нем, словно крысособаки на горле врага, и лишали воина оружия. Хочешь не хочешь, а выпустишь меч, когда на нем болтается туша с силой сжатия челюстей равной стальным тискам...

Данила рубился самозабвенно. Это было его! Жил он в такие минуты полной жизнью. Хотя осуждал отец Филарет такую тягу к рукопашной драке, но, с другой стороны, не люди же годами стоят под стенами Кремля, то откатываясь назад на километры, то вновь возвращаясь бесчисленной ордой под стены последнего оплота человечества. Не люди, нет.

Нелюди.

Раз за разом, год от года повторяется одно и то же: внезапно вдали возникает стена тумана, за которой скрываются многочисленные кланы нео. Известно – туман, скрывающий от защитников Кремля численность и маневры мутантов, нагоняют колдуны-шамы. Правда, своими глазами никто тех шамов не видел, лишь слухи да легенды одни. А от пленных нео добиться чего-то, кроме гордого: «Нас берегут шаманы!» – никакими экспресс-методами допроса пока что никому не удавалось.

И сейчас Данила чистил московскую землю от нечисти. И настолько самозабвенно, что забыл оглянуться и посмотреть – а как там товарищи, не отстали ли? И не специально ли создали нео шеренгу, поставив наиболее нерасторопных в середину, чтобы хотя бы один разведчик прорубил в ней дорогу и не заметил, как позади него смыкается кольцо из самых сильных мутантов, отсекая «языка» от основного отряда...

Двое нео неожиданно нырнули под брюхо Бурки. Данила видел, как разодранное когтистой лапой мохнатое тело тут же вылетело обратно и сжалось в комок, пытаясь запихать обратно в живот выпущенные кишки. Но второму нео повезло больше. Прежде чем мохнатый воин умер от удара задней лапы фенакодуса, он успел всадить в его брюхо трофейный боевой нож и просто удержать рукоять на месте одно лишь мгновение, пока летящее вперед мощное тело коня-мутанта не распорет себя само о бритвенно заточенное лезвие.

Таких ножей у нео было немного, и берегли они их лишь для особых случаев. Таких, как этот. Видать, шибко был нужен мутантам «язык», если они пошли на такие жертвы. Фенакодус Данилы споткнулся и начал стремительно заваливаться вперед. Толпа мохнатых тел хлынула вперед, стремясь подхватить и скрутить падающего всадника... но разведчик, оттолкнувшись ногами от стремян, уже летел над их головами в двухоборотном сальто, существенно повышающем дальность полета тренированного тела...

Он приземлился на носки сапог, спружинив ногами, ушел в кувырок, вскочил, рубанул мечом по чьей-то протянутой к нему огромной кисти... Состриженные лезвием пальцы посыпались на землю, дикий рев резанул по ушам, пробив звуковой волной бармицу на кожаной подкладке. Покалеченный мутант, продолжая реветь, метнул дубину вслед смазанной тени, в которую превратился непойманный «язык», – но слегка обточенный корень шагай-дерева лишь сбил шлем с головы разведчика и ткнулся в брусчатку возле пяток беглеца, слишком быстрого даже для лучших бойцов передового клана нео...

Данила бежал в сторону развалин ГУМа, когда-то громадного здания, превратившегося в руины во время Последней Войны. Только и осталось от него, что непонятное короткое название да куча бетонных обломков, поросших гигантской крапивой, плотоядной лебедой высотой мало не с Кремлевскую стену и вездесущим вьюном, оплетающим своими гибкими стеблями практически любые развалины. Найти здесь Данилу не смогли бы и полтысячи мутантов.

Развороченные снарядами остатки стен ГУМа приближались – и вдруг оттуда, из разверстых дыр, наверно бывших когда-то огромными окнами, с ревом хлынула волна серых тел. Разведчик явственно видел красные, налитые кровью глаза нео, хлопья пены, летящей из их пастей меж желтых, сточенных клыков, грязную шерсть с проплешинами огромных язв, вызванных лучевым поражением Полей Смерти...

Что ж, умирать приходится лишь однажды. И лучше так, с мечом в руке, чем старым и немощным в постели от неизлечимых болезней.

Данила поудобнее перехватил рукоять меча и, бросившись навстречу лавине вражьих тел, заревел в ответ...

– Чего орешь?! Эй, разведка, просыпайся!

Кулаки, стиснутые в камни из плоти и костей, медленно разжимались. Горящие глаза мутантов постепенно превращались в огненные языки факелов, воткнутого в стены, а скрежет их когтей о брусчатку Красной Площади трансформировался в мерное шуршание точильного камня по изогнутому клинку.

– Все тот же сон? – осведомился Ратмир, не прерывая своего занятия.

Данила не ответил, лишь переместился на лавке из положения лежа в сидячее. Сердце продолжало колотиться в боевом режиме, тренированное тело жаждало боя, реванша, а не позорного бегства. Хотя тогда иного выхода не было. Нет чести в том, чтобы умереть бесполезно, не для того его годами готовили лучшие воины Кремля. Но все же пятно лежало на душе, возвращаясь почти каждую ночь в виде желанного продолжения, – уж лучше бы месяц назад и вправду отряд нео засел в развалинах и дал возможность умереть как подобает воину.

Но не было в то утро в ГУМе вражьего отряда. После своего бегства весь оставшийся день и половину ночи Данила скрывался в зарослях, стараясь держаться подальше от гибких побегов хищных сорняков. А когда вернулся в Кремль, то узнал, что хитрые нео пошли на переговоры с противником и показали при этом потерянный шлем разведчика – мол, в плену он у нас, выкупайте. И отдали кремлевские за Данилу серьезную цену – три больших мешка пороха. Вернее, за его шлем. Ночью же «пленный» вернулся сам тайными тропами, но было уже поздно. Бесценный черный порох нео унесли с собой и, скорее всего, приберегли до того времени, когда понадобится заложить бомбу под зубчатую красную стену.

Даниле никто слова не сказал – война есть война, и на ней случается всякое. Как он рубился, видели многие, и вряд ли кто решился бы упрекнуть воина в чем-либо. Кроме него самого.

– Лучше бы я в пахари пошел, – в сердцах бросил Данила. – Больше б толку было.

– Не согласен, – проворчал Ратмир, протирая кукри, и так вычищенный до блеска после заточки. – Не твое это. Ты же знаешь, мне тоже довелось раз побывать в плену, и это не значит, что я, боярский сын, лишился славы и чести. Сам знаешь, выкупили наши – и ничего. Кстати, вот тебе и не имеет цены золото. Еще как имеет. Меня, например, нео как раз за золото и отпустили – тогда у нас пленных мутантов для обмена не было и пороха в обрез, вот и пришлось нашим отвалить пару старинных кубков. А то уже хотели некоторые предметы, не связанные с памятью о прошлом, чуть ли не на пули переливать, мол, дальше свинцовых бить будут.

Ратмир ухмыльнулся.

– Так что, несмотря на прошлый плен, живу, воюю, вон даже десятником разведроты поставили. А тебе чего не хватает? Силы хоть отбавляй, статью тоже не обижен, вон девки заглядываются – только что не спотыкаются. Слава же придет, никуда не денется. Это пахарь живет от пахоты до пахоты, а воин – от рейда до рейда. Так что жди рейда и будет тебе слава.

Данила невесело усмехнулся. Давний спор в который раз грозил затянуться на всю ночь. Хотя что еще делать ночью, когда до рези в глазах пялишься в бойницу, опасаясь и в то же время надеясь увидеть в тумане огни факелов нео. Или и того хуже – налобных

прожекторов био. Опасаясь потому, что огни – это штурм. И надеясь потому, что огни – это битва. Та, что разгоняет застоявшуюся кровь и наполняет сердце воина предвкушением победы.

– Воин живет от битвы до битвы, – сказал Данила. – А пахарь – надеждой на то, что когда-нибудь попадет в дружину.

– Ага, жди, – фыркнул Ратмир. – Пахарь, он и есть пахарь, его, кроме жратвы, сохи, жены да ребятишек, ничего не интересует.

Ратмир поднял кривой непальский меч до уровня глаз и прищурился, проверяя, не надо ли еще полирнуть клинок или подправить заточку. Почему кукри называют «непальским» не знал никто, может, раньше «непал» означало что-то непалимое, несгораемо вечное? Кто ж его знает... Раньше много было того, о чем сейчас остались лишь сказки да былины. Или вот Ратмиров меч, например, что достался ему от отца, погибшего в легендарной битве при Мытищах. А тому – от деда, который сложил голову в рейде на конвой био, боевых биороботов, везущих – страшно подумать – целую цистерну бензина. Хотя, может, это была провокация – био горазды шевелить полусинтетическими мозгами, когда дело касается еды. Да и вправду, если подумать, то зачем им бензин, когда энергию для своих бронированных тел они получают, пожирая мертвечину?

– Тебя послушать, так пахари – люди низшего сорта, – покачал головой Данила. – А хлеб ты, между прочим, жрешь, их руками выращенный.

– Много бы они вырастили, если б мы за их хлеб кровью не расплачивались.

Данила вздохнул и ничего не ответил. У приятеля на все был заготовлен стандартный ответ, слышанный уже не однажды долгими вечерами дежурств под конической крышей Никольской башни, обшитой толстыми броневыми листами. Как раз покойный дед Ратмира ту башню и усиливал – био в те времена еще могли по Кремлю и реактивным зарядом долбнуть. Это сейчас у них, кроме дурной силы под броней, считай, ничего больше не осталось. Хотя и этого хватает – твари хоть и утратили огневую мощь, но выжили и, как следствие, стали намного хитрее и выносливее предков. Эволюция, ничего не попишешь.

А ведь если подумать хорошенько, то уже без малого двести лет прошло с Последней Великой войны, а Поля Смерти все фонят, продолжая плодить новых чудовищ, все более жутких и кровожадных. Которых не всегда берет стрела даже начиненная порохом и шеей которых далеко не всегда перерубает с одного удара кривой кукри Ратмира, хотя десятник, надо отдать ему должное, владеет своим оружием виртуозно.

Словно прочитав мысли Данилы, Ратмир, видимо раздумав воевать с приятелем словесно, сменил тему.

– Думается мне, у тварей эволюция в гору прёт, – сказал он. – Недавно Горын видел, как здоровенный нео в Поле Смерти по доброй воле впёрся. Сел там прямо в центре и давай лучевые ванны принимать. Рожу у него корёжит, с тела шкура клочьями отваливается, а он терпит, только землю когтями дерет и зубами клацает от боли, да так, что у него клыки обламываются и из пасти сыплются.

– И недохнет? – удивился Данила.

– Не-а. Видать, ему не впервой. Горын говорил, что тот нео был чуть не вдвое больше обычного. Думаю, он раньше случайно на край Поля забрел, ну его и разнесло как на дрожжах. А он то дело усёк и пришел за добавкой.

– Погано, – сказал Данила. – Если у них помимо мяса еще и мозгов вдвое больше вырастет и они научатся, как био, доспехи себе из металла клепать и ремонтировать, туго нам придется. Нео-то в разы поболее числом будет, чем био и шамов вместе взятых.

– Да кто ж их, нечисть поганую, считал? – буркнул Ратмир, с силой вгоняя кукри в ножны. – Хотя, наверно, ты прав. Отец покойный говорил, что людей в Последнюю Войну

было намного больше, чем боевых роботов. Всю землю они населяли, прикинь? Пока Поля Смерти не превратили их в нео. А люди...

Ратмир осекся. Тема была не то чтоб запретной, но лишний раз о Последней Войне старались не говорить. И так все знали, что после того, как девять десятых планеты изъязвили разрывы атомных, термобарических, объемно-детонирующих, электромагнитных и еще невесть каких бомб, названия которых давно забыты, остаткам человечества пришлось срочно искать спасения на редких участках земли, свободных от Полей Излучений, за несколько поколений превращающих людей и животных в жутких мутантов.

Но и на тех участках спокойной жизни не получилось. Вышедшие из-под контроля боевые биороботы, способные без ущерба для себя переносить огромные дозы любых излучений, стали пожирать своих создателей. Военные хотели получить машины, способные существовать сами по себе, независимо от внешних источников энергии, и создали то, что люди называли «био» – биологических боевых роботов, питающихся мясом убитых. Машины, способные убивать даже тогда, когда кончались реактивные заряды во встроенных установках и патроны в крупнокалиберных пулеметах, – их манипуляторы были снабжены как разнообразными клинками, так и встроенным метательным холодным оружием.

Что ж, военные хотели войны и получили желаемое. Сейчас лишь немногие мастера точно знают, что такое «электричество», – станции, его производящие, как и заводы, были уничтожены первыми же направленными залпами ракет, а био довершили программу ликвидации стратегически важных объектов противника.

Но силы воюющих государств были равны – и теперь вместо городов планету покрывают развалины, а единственной известной цитаделью человечества является Кремль – город-крепость, во время Последней Войны слишком хорошо охраняемая ракетным щитом, для того чтобы быть стертой с лица земли. И вот уже две сотни лет о ее стены обламывают зубы одичавшие нео, био и другая нечисть, эволюционировавшая под воздействием Полей теперь уже никому не известных Излучений, которые много лет люди называют Полями Смерти.

И почему враги проявляют такое упорство в атаках на Кремль, тоже понятно. Заокеанские био, после ракетного удара заброшенные сюда для зачистки территории, изначально были запрограммированы на уничтожение людей. А нео то ли мстят тем, кто в отличие от них смог защититься от мутаций, то ли сами хотят занять практически неповрежденную крепость-базу вместе со всеми ее богатствами, то ли и то и другое вместе. И если раньше осады были непродолжительные, а кланы осаждающих нео малочисленные и разрозненные, то сейчас, судя по словам «языков», все кланы объединил какой-то Крагг, мутант из мутантов. И сейчас вот уже полтора месяца висит вдоль восточной стены Кремля полоса тумана, за которой, судя по опыту прошлых осад, собирают свои силы перед штурмом проклятые нео...

На Угловой башне восемь раз ударили в било, и Данила потрянул головой, отгоняя нежелательные мысли. Скоро совсем рассветет, придет смена караула. Надо будет перекусить, поспать немного, а после как всегда – тренировка до обеда, после обеда отдых час и снова тренировка до ночи. А на следующий день новый караул. Обычный режим воина разведроты, из года в год оттачивающего мастерство владения своим телом и оружием.

– После полудня в рейд идем, – неожиданно произнес Ратмир.

Данила резко обернулся:

– Откуда знаешь?

Ратмир самодовольно хмыкнул:

– Большой начальник разведки знает всё. Если чего не знает, так ему это и не нужно.

– А если серьезно, господин большой начальник?

– А если серьезно, то случайно подслушал вчера, как князь с Лютом в гриднице план операции обсуждали.

– Ага, случайно...

– Ну, не совсем, – усмехнулся Ратмир. – Меня Лют послал в оружейку бронебойные стрелы пересчитать, а тут князь зашел.

– А ты давай уши греть, – кивнул Данила.

– А то б ты не грел!

Даниле ничего не оставалось, как пожать плечами. Когда князь с воеводой один на один без бояр чего-то решают, понятно дело, что разведчику удержаться и не подслушать ну никак невозможно. Хотя, если б не был уверен Лют, что дальше роты разведчиков информация не просочится, хрен бы Ратмир чего узнал, несмотря на то что он лучший пластун в разведроте. Воеводе хоть уже за четвертый десяток перевалило, но вряд ли кто с ним сравнится что в тактике, что в стратегии, что в рукопашном, что в оружном бою.

– И чего?

– На прорыв пойдем, – сказал Ратмир. – Нео, похоже, с био о чем-то договорились и вдоль восточной стены лагерем встали. Из пушек, понятное дело, за развалинами их не достать, а узнать, что мутанты задумали, надо. Внаглую прорываемся через Варварку, потом налево по Никольскому, там вроде завалов сильных быть не должно, понятно дело, по пути цепляем трофеи какие будут и «языка» по-возможности, потом опять налево...

– И дальше через Ильинку возвращаемся, – кивнул Данила. – Если kota за хвост тянуть не будем и все сделаем быстро, то есть шансы. Они дневного прорыва наверняка не ждут, и, пока сообразят что к чему, мы уже дома будем. Только странно мне как-то, что био с нео что-то вместе затеяли. Как едок с едой договориться может?

Ратмир пожал плечами:

– Это все Поля Смерти, будь они неладны. Ученые из Академии говорят, что по логике вещей радиационные поля должны были со временем меньше становиться, а они наоборот, мало того что не уменьшились, а превратились черт-те во что. Даже вроде как блуждать начали, и вишь, нео в них теперь специально ныряют, сил набираются в ущерб клыкам и красоте неопишуемой. Может, те Поля тоже мутировали, а потом и нео, и био на мозги повлияли, поумнели твари?

– И теперь нам пакости готовят совместно...

По лестнице загрохотали подкованные железом сапоги, и на площадку поднялся рослый детина, казалось сразу заполнивший могучим телом все свободное пространство.

– Треплемся? – прогудел он так, что застонали перекрытия под потолком.

– Службу несем, Горын, – мягко парировал Ратмир со змеиной улыбкой на тонких губах. – Чего и вам с Таргатом желаем.

Из-за необъятной спины Горына возник невысокий тощий воин в кольчуге и с мечом при бедре, явно не соответствующим длиной клинка росту его владельца, – заостренный кончик только что не чертил за воином след по дощатому полу. Хотя тот, кто видел Таргата в бою на мечах, обычно не удивлялся подобному несоответствию.

– Так нам не привыкать, – сказал Таргат. – Не мы ли...

– Помним, помним как вы с Горыном первыми увидели нео, которые перли в атаку год с чем-то назад, – сказал Данила, возведя глаза к потолку. – Что свидетельствует о вашем отношении к службе, которую мы с Ратмиром несем из рук вон плохо.

– И из-за нашего хренового отношения к ней нас как самых худших воинов Кремля сегодня посылают в рейд, – смиренно добавил Ратмир.

– К-как в рейд? – поперхнулся едким комментарием Таргат, а Горын выпучил глаза и стал медленно наливаясь красным.

– Т-так, – передразнил Ратмир. – Горын, смотри не лопни, а то кто службу нести будет, с башни нам в спины глядеть?

И пока смена приходила в себя от новости, Данила с Ратмиром, придерживая мечи, чтоб не цеплять ножами стены, сбежали вниз по древней винтовой лестнице, еще принимавшей своими коваными ступенями удары каблуков дозорных Последней Войны.

– Может, зря ты ему о рейде сказал? – усомнился Данила, выходя из душных недр башни на волю.

– Какая разница? – хмыкнул Ратмир. – Все равно до рейда полдня осталось, через несколько часов каждая крысособака о нем знать будет. Да и кому сольют эти пентюхи из башни секретную информацию? Любишь ты, Данила, перестраховываться где надо и где не надо, – Ратмир рассмеялся. – Зато какая у Горына была рожа!

Данила улыбнулся. Рожа у Горына была действительно потешная, того и гляди лопнет от злости, что не его, первого силача дружины, в рейд посылают, а опять Ратмира с Данилой. Глядишь, ел бы парень поменьше каши, был бы маленько пошустрее – и сгодился б в разведроту. Бесспорно, мечники они с Таргатом знатные, особенно в паре. Однако в рейде порой не столько искусство боя требуется, сколько ловкость, быстрота и умение быстро принимать верные решения.

– Ну, я в казармы, – спрятав зевок в кулак, сказал Ратмир. – А ты?

– А я в Храм зайду – и потом вслед за тобой на боковую.

– Давай-давай, – сказал десятник с легкой иронией в голосе. Он принадлежал к числу воинов, молящихся Перуну, богу войны и оружия, часть силы которого живет в личном мече каждого настоящего воина. Но Говорящих с Мечами было немного, большинство все-таки исповедовали веру предков, благо пощадили храмы бомбы и ракеты Последней Войны. И хотя в первые годы после бомбардировки Кремль был перенаселен, ни у кого не возникло мысли снести храмы или переоборудовать их под жилье. Это сейчас места стало больше, а людей меньше. Хотя все равно тесно, каждый квадратный метр на счету...

При одном из храмов был Госпиталь. При другом – Дом Мудрых, в котором жили старики, оставшиеся без потомков, – молодые часто гибли в стычках с тварями, кишащими по ту сторону стены, и потому Дом Мудрых никогда не пустовал. При третьем, самом величественном, – Храм, где уже который век совершали церковные обряды Хранители Веры. При четвертом работала Семинария, где обучались будущие священники-воины. Пятый был закрыт для посторонних – в нем хранились Реликвии Предков и лишь избранные имели право переступить его порог...

А при шестом храме была Школа для детишек, еще не вошедших в возраст, когда человек или общество решает, кем ему стать – Воином или Гражданским, работающим на благо Кремля. Конечно, мнение молодых людей учитывалось, но случалось, что Гражданскими становились против воли, – слишком многие хотели быть Воинами, носить блестящие доспехи и посвятить свою жизнь уничтожению нечисти, кишащей по ту сторону стен. Но порой рабочие руки были важнее. К тому же далеко не каждый годился в Воины...

Весь комплекс из шести строений часто называли одним словом – Храм. И неважно, куда шел человек, в Госпиталь со своей бедой или в Дом Мудрых, проведать отца погибшего друга. Для всех человек шел в Храм – остальное было неважно...

* * *

Данила подошел к окованной железом массивной двери и прислушался. Ага, отец Филарет читает детишкам лекцию по устройству мира. Что ж, мешать не хочется, но и стоять под дверью тоже не с руки.

Разведчик тихонько приоткрыл дверь и проскользнул в образовавшуюся щель, не звякнув ни единым кольцом брони. Порой и не замечаешь навыков, приобретенных за долгие годы тренировок. И недоумеваешь – чему это Гражданские удивляются, всё ж так естественно. Какое здесь искусство, так, ерунда, каждый сможет при желании...

У старой, истертой мелом и тряпками доски стоял пацаненок лет десяти. Остальные мальцы сидели за партами, сколоченными из досок и крашенными камуфляжной зеленой армейской краской. За многие годы краска потерлась, облупилась. Перекрасить бы – а нечем...

За партами тихонько сидела ребятня числом примерно с пару дюжин. Смирно сидели, такое только на экзамене бывает, что мальцы не возятся украдкой, чтоб учитель не видел. И учитель был строг как никогда, в новой черной рясе, перепоясанный широким поясом с подвешенным к нему боевым ножом. Был тот нож взят полвека назад в бою молодым послушником при неожиданной атаке стен Кремля сразу с трех сторон крупной армией нео. Как раз в ту битву и рванули разведчики коллектор Неглинки вдоль всей западной стены до самой реки, наполовину вернув Кремлю древний оборонительный ров, когда-то полностью окружавший крепость. И с востока пытались взорвать, но не вышло – со стороны Красной Площади уж больно крепок оказался потолок коллектора. Но в тот раз и сделанного хватило, чтобы отбросить армию человекообразных мутантов. Одним из тех героев-разведчиков был монах-воин, который ныне преподавал детишкам как науку духовную, так и основы истории и военного дела:

– ...шамы же, говорят, едят мясо – как нео, так и человеческое. Любыми организмами умеют управлять мысленно на расстоянии, если не знать, как от них защититься. С давних времен воюют с био, так как и те и другие считают себя хозяевами мира. Правда, доподлинно никто не знает, как выглядят шамы, люди разное говорят.

Степенно огладив широкую бороду, изрядно выбеленную сединой, Филарет кивнул:

– Неплохо, Илья, неплохо. А про кио что скажешь?

– То легенда, отец Филарет, – степенно ответил мальчик. – Киборги – это люди, живущие вечно, если им не разрушить мозг или сердце. Вроде как были они созданы из лучших бойцов человечества накануне Последней Войны, да только в Войне не участвовали. В Книге Памяти о них упоминается, да еще видел их кое-кто из выживших. Хотя, может, это и вовсе мутанты какие были, а не кио из сказок.

– Не думаю, что это сказки, Илья, – покачал головой Филарет. – А даже если и так, то пусть останутся они у вас в памяти. Обидно будет, если кто-то из дружины в рейде убьет того, кто, возможно, сможет стать другом для людей.

– Если до сих пор они друзьями не стали, значит, и не станут, – хмуро произнес мальчик.

Данила улыбнулся. Воин растет. С детства верит не в легенды, а в реальность.

– Кто знает, – спокойно произнес учитель. – А теперь скажи, почему мутантов, схожих с первобытными неандертальцами, мы зовем нео?

– От разведчиков то пошло, – ответил Илья. – В бою нужны слова короткие и звучные, чтоб ими врага обозначить. Нео – это вроде как новый неандерталец. У них, как у лошадей, эволюция вспять пошла. Хотя они и не совсем стали как предки человека, но похожие, только с клыками большими, здоровее и немножко умнее.

Класс захихикал, но под строгим взглядом отца Филарета быстро уgomонился.

– То же и с шаманами или био. Пока выговоришь «шаман» или «биоробот», твари уже в куклу превратят или раздавят. А так вон крикнул, как дядька Лют на тренировке: «Нео три!» – и сразу ясно, что на три часа мутант обозначился, и всем туда стрелять нужно.

– Молодец, – кивнул Филарет, пряча улыбку в бороду. – Сдал экзамен. А теперь поздоровайтесь с тем, кто в свое время вышел отсюда, тоже сдав все экзамены на отлично, как и подобает будущему разведчику.

Данила вышел из глубокой тени колонны и поклонился учителю в пояс.

– Ух ты! Сам дядька Данила из разведроты к нам пожаловал! – прокатилось по классу. – При мече да в кольчуге...

В другое время, может, и разрешил бы Филарет ребятне повисеть на разведчике, потрогать броню да ножны меча, но, перехватив взгляд Данилы, учитель возвысил голос:

– Всем перерыв до девятого била. А после продолжим экзамен.

Ребятня, подавив вздохи сожаления, послушно покинула класс, а разведчик шагнул к учителю:

– Здрав будь, отец Филарет.

Внимательные глаза учителя, казалось, смотрели прямо в душу:

– И тебе поздорову, сын мой. Рассказывай.

Данила снял побитую шлем-каску с откидным стальным забралом и склонил голову:

– Благослови, батюшка.

Жесткая сухая ладонь легла на затылок, и Данила почти сразу почувствовал, как кожу у корней волос стало покалывать, словно крошечные иглы осыпались на нее мелким дождем.

– Благословляю тебя, сын мой...

Игольчатый дождь прекратился, и Данила поднял голову.

– Что тебя тревожит, ученик?

Официальная часть кончилась. Сейчас с разведчиком говорил не священник, а воин:

– Порох, заплаченный за твой шлем, душу жжет?

Данила кивнул.

– Про то не печалься. Война есть война, и сейчас жизнь каждого воина Кремля дороже пороха. Но, чувствую, ты пришел не только поэтому. Новый рейд?

Данила кивнул снова.

– Раньше перед рейдами ты не приходил сюда.

Разведчик пожал плечами:

– Их и было-то всего три, отец Филарет. Да и то первый раз так, банду нео от стен отогнали, а во второй раз за металлом ночью сходили, арматуры в развалинах нарезали – и обратно. А третий...

– Про третий забудь! – возвысил голос Хранитель Веры. – Знаю я твой упертый характер и про то, что в бою рубишься себя не помня, тоже знаю. Смотри, глупостей не наделай, воин, стараясь обелить свое имя. То не доблесть в тебе клокочет, а гордыня, а это великий грех!

Зычный голос старика гудел под куполом храма, словно колокол. Правда, выговорившись, старик немного смягчился.

– Предчувствие нехорошее?

– Да, отче.

– Это бывает перед боем. Помни, за кого воюешь и за кем правда. Об ином не думай. Просто делай то, что должен. А я помолюсь за тебя.

– Спасибо, отец Филарет.

Данила хотел снова поклониться, но священник взял его за плечи и прямо взглянул в глаза.

– Мы выстоим, – сказал он. – Отсюда, от Кремля, возродится человечество. Миссия у нас такая, парень, у тех, кто по воле Божией в живых остался, – от всякой погани землю очистить, чтоб детям нашим и внукам на ней жилось вольготно, как в древности наши предки жили. Так что иди и помни ради чего воюешь...

Данила шел к дружинным Казармам, а в голове все звучали слова Учителя: «Миссия у нас такая – от всякой погани землю очистить...» Не выжить любой ценой, запершись за стенами города-крепости, а победить, вернув людям планету, захваченную ордами порождений Последней Войны. Что ж, ради такой миссии стоит жить и рисковать жизнью.

Однако все равно земляной червь сомнения грыз жвалами душу. Если информация верна и нео объединились с биороботами, то удастся ли прорваться разведотряду дружины через формирующиеся осадные линии? Нео может не додумаются, но био-то уж точно выставят дозоры из своей пристяжи, которая успеет предупредить основные силы о приближении противника.

Конечно, дружинная разведка боем на отборных фенакодусах через любую толпу нео пройдет как игла через рубище, но био... Роботам чужды паника и удивление. Пустят все-ром пару десятков метательных дисков, сякенов или стальных бумерангов – и нет половины отряда несмотря на шлем-каска пятого уровня защиты и кольчуги, усиленные нагрудными бронепластинами. Не проще ли просто послать пару способных пластунов, в совершенстве владеющих искусством маскировки и умеющих отводить взгляд? Хотя если командиры армии нео, кроме биороботов, додумались нанять хотя бы одного шамана, то и вправду скрытный погляд теряет смысл и разведка боем будет лучшим выходом...

Так вот ломая голову дошел Данила до дружинных Казарм, расположившихся в величественном трехэтажном здании. Дошел, остановился, почесал в затылке... и прошел мимо.

Решение назрело само собой, подкрепленное давним воспоминанием, вдруг неожиданно нежданно-негаданно всплывшим в памяти. Понятно, что одного его в разведку никогда не пошлют. Молод больно, и участие в трех рейдах далеко не показатель боевого опыта – у многих воинов за плечами по несколько десятков походов за стены, но и те минимум парами ходят. Один наблюдает, другой следит, чтоб враги наблюдателя со спины не обошли. Но в то же время бросать конную разведроту в туман, где пара биороботов могла просто перегородить улицу, тоже не выход. А вот если получится задумка до рейда пробраться к лагерю нео, все вывести и вернуться обратно, то победителей не судят. А не получится – что ж, хоть будет возможность погибнуть как настоящему воину с мечом в руке, а не жить с грузом позора на плечах, что с каждым днем становится все тяжелее и каждую ночь порождает одинаковые сны...

В детстве еще, несмотря на запрет взрослых, играл Данила в Тайницком саду и нашел случайно недалеко от Набатной башни старый подземный ход. Куда тот ход ведет, пацан тогда разведать не решился – из темной дыры тянуло сыростью и мертвечиной. Потому и забыл о том немедленно – детский ум не хранит страшное и непонятное. А сейчас вдруг вспомнилось, через столько-то лет. Не ладонь ли отца Филарета пробудила те давние воспоминания, похороненные в недрах памяти?

На Ивановской площади была установлена батарея противовоздушной обороны, состоящая из четырех пневмопушек, нацеленных стволами в небо. Универсальная разработка для стрельбы по наземным и воздушным целям, переделанная из старых музейных экспонатов еще Второй Мировой войны. Тратить порох с некоторых пор было непозволительной роскошью, потому для защиты от атак летающих мутантов вполне хватало десятка батарей, расположенных в ключевых точках Кремля и стреляющих специальными тяжелыми копьями. Предосторожность не излишняя – рукокрылы, мутировавшие летучие мыши-вампиры, у которых размах крыльев отдельных особей достигал десяти метров, вполне могли, спикировав, утащить взрослого воина в полном доспехе. Другое дело, что встречались такие твари нечасто, больше шныряла в небе мелочь величиной с орла, воюя с воронами, но все-таки береженого Бог бережет.

Обслуживали пневмопушки обычно девчонки из батальона ПВО, и Данила, проходя мимо, произвольно расправил плечи.

Что не осталось незамеченным.

– Куда путь держишь, боярин?

Звонкий и насмешливый девичий голос, раздавшийся из-под полумаски шлема, был знаком. Как и русая коса в руку толщиной из-под того шлема выбивающаяся. Радомира, конечно, девка видная, фенакодуса на скаку остановит и хвост ему оторвет. А не оторвет, так замучает издёвками. И чего на нее Ратмир заглядывается? С лица, как известно, воду не пить, а характер у девки вредный на редкость. Боярином простого разведчика назвать, конечно, лестно, но не таким голосом и не на всю площадь. Потому лучше отвечать в тон.

– По делу, боярыня, – отозвался Данила.

– По большому аль по малому?

«Лучше было вообще не отвечать», – мелькнуло в голове.

– В Тайницкий сад по нужде ходить опасно, – продолжала Радомира с искренним сочувствием в голосе. – Того и гляди дерево почует живое мясо да и оторвет чего ненароком.

С четырех сторон от соседних пушек разнеслось разноголосое девичье хихиканье.

– Тебе ж, красавица, язычок пока дерево не оторвало, стало быть, думаю, и мне опасаться нечего, – раздосадованно бросил Данила, ускоряя шаг. Не препираться ж с девкой, у которой под шлемом не ум, а коса.

– Так я не про язычок говорила, боярин, – раздалось в спину. Вместе с новой волной хихиканья.

Ну что с девок возьмешь? Скучно им на посту, только и развлечений, что языками чесать да прохожих задирать. Пусть уж резвятся, лишь бы за трёпом атаку рукокрылов не проглядели.

Миновав Ивановскую площадь, Данила вошел под сень громадных узловатых деревьев, тянущих свои корявые сучья к серому, хмурому небу. Это и был Тайницкий сад, о котором в старых книгах, оставшихся после войны и бережно хранимых стариками, говорилось, что некогда он «утопал в зелени». Представить такое у Данилы не хватало воображения. А вот что излишне гибкая ветвь, замаскированная среди серой травы, может схватить и утянуть беспечного человека в недра трехобхватного ствола дерева, где полуживой организм выпьет из тела все соки и отторгнет сухую мумию, помнил с детства.

Было и еще одно воспоминание, связанное с этим местом. Тогда Даниле семь лет минуло. Отец его, богатырь знатный, уходя в рейд, подарил сыну белого щенка ручной крысособаки. В то время еще пытались люди уживаться с мутировавшими псами, сильно похожими на помесь старинного бультерьера с обычной крысой. Но, в отличие от фенакодусов, крысособаки с каждым годом дичали, становились неуправляемыми, бросались на людей, и в конце концов специальным указом князя территория Кремля была от них очищена, а сами крысособаки объявлены опасными мутантами, подлежащими уничтожению. Что, впрочем, было недалеко от истины – в настоящее время мохнатые и умные твари представляли реальную угрозу для разведчиков вне стен крепости.

Но щенок, которого мать назвала Няшкой, был добрым и ласковым, Данила это точно помнил. И, как все дети, на редкость любопытным. Это его и погубило.

Отец ушел в рейд – и не вернулся. Данила долго плакал, уткнувшись лицом в белую шерсть, хоть это и не подобает будущему воину. А через неделю пропал и Няшка. Люди последний раз видели белого щенка возле Тайницкого сада. Туда и рванул было Данила, знавший запретную чащобу как свои пять пальцев, но мать остановила. Не била, а встала на колени и слезами заставила сына дать клятву, что он не пойдет искать наверняка погибшего друга и вообще никогда не переступит границы смертельно опасной чащи, пока не станет взрослым. Пришлось поклясться памятью об отце. Уж слишком сильно просила мать, только что потерявшая мужа...

Что и говорить, жуткое место Тайницкий сад. Хотя для взрослого мужчины хищное дерево пусть и опасно, но недостаточно сноровисто, чтобы не успеть засапожным ножом отсечь ветвь или позвать кого на помощь. Зато мрачная чаща корявых стволов с лысыми ветвями уже два столетия служила людям неиссякаемым источником топлива – отсеченные ветви быстро высыхали и горели отменно, а на их месте в два-три дня вырастали новые. Деревья питались не только живой плотью, которую умудрялись ловить не только на земле, но и в воздухе. Их корни, объединенные под землей в единую систему, питали также подземные воды, после Последней Войны принесшие в корневую систему вещества, вызвавшие чудовищные мутации... Н-да, хорошо, что в те времена в Кремле был сосредоточен колоссальный запас пищи и боеприпасов, помимо независимых генераторов электроэнергии, подземных установок для очистки воды и теплиц для выращивания овощей и злаковых культур. А то б не люди, а мутанты-нео уже двести лет бродили бы по территории города-крепости...

* * *

Найти то самое место оказалось непросто, ведь сколько лет прошло... Корни полуживых деревьев, словно змеи, расползлись по земле, изменив местность до неузнаваемости. Но разведчик на то и разведчик, чтоб решать подобные задачи. Наметанный глаз определил – вот они, опоры разрушенной парковой скамейки, наполовину скрытые узловатыми корнями.

Данила вытащил меч и несколькими ударами освободил один из бетонных параллелепипедов, торчащий из остатков растрескавшегося асфальта. Отрубленные корни, медленно корчась, словно щупальца расчлененного сухопутного осьминога, тыкались в разные стороны, пытаясь найти места отсечений от основного ствола. И, найдя, с еле слышным чавканьем прирастали обратно. Да уж, не зря говорили ученые, что объединенная корневая система Тайницкого сада имеет зачатки примитивного разума.

Налюбовавшись на феномен, Данила присел, взялся за бетонный блок и повернул его вокруг невидимой оси.

Впереди, сразу за поворотным механизмом, замаскированным под опору скамьи, раздалось скрежетание. Стальной люк, заросший коричневым мхом и оттого невидимый, если не присматриваться особо, сдвинулся с места и пропал в боковом пазу бетонной трубы, уходящей под землю.

«Неплохо придумано, – отметил про себя Данила. – Молодцы предки. Просто и результативно. Так стоит себе скамейка, каких здесь небось было навалом, внимания не привлекает. Да и кто посторонний додумается ее опоры на прочность проверять? А кто знает секрет – оторвал сидушку одним движением, опору повернул – и поминай как звали».

В стену лаза были вмурованы скобы из нержавеющей стали с легкой накаткой, чтоб руки-ноги во время путешествия под землю ненароком не соскользнули. В очередной раз мысленно похвалив предусмотрительность предков, Данила начал спуск в темноту.

В трубе воняло, словно в старой могиле: сыростью и разложением. Застоявшийся воздух подземелья забивал легкие, на скобах обжилась какая-то осклизлая разновидность мха – того и гляди рухнешь вниз эдакой бронированной консервой с начинкой из разведчика, который решил в одиночку стать героем.

Данила был уже готов вернуться – посмотрел, ход от времени не обвалился, корни бетонные кольца не разрушили, пусть дальше старшие решают, что с ним делать, – как неожиданно скобы кончились и каблуки сапог уперлись в твердое.

Ага, похоже, дно колодца.

Разведчик снял с пояса многофункциональную телескопическую дубинку и резким кистевым хлестом раскрыл ее. Сухой щелчок отразился от невидимых стен. Другой рукой Данила извлек из пояса, снабженного множеством кармашков, круглую блямбу. Встряхнул

ее, разложив в стальной стакан, после чего наверху тот стакан на конец дубинки. В получившийся факел разведчик сунул пучок сушеной горюч-травы и чиркнул огнем.

Неверное пламя осветило мрачные стены подземного хода. Данила стоял в бетонной трубе диаметром в рост человека, которая не иначе как проходила под Кремлевской стеной и заканчивалась где-нибудь в районе Васильевского спуска. Разведчик представил карту Кремля, изученную до черточки еще в детстве. Получается, до выхода из тоннеля метров триста, не более.

«Что ж, будем надеяться, что не вывалюсь из-под стены на виду у противника», – подумал Данила. Мысль о том, чтобы вернуться, мелькнула – и пропала, уступив место другой, более разумной, чем изначальная, насчет героической гибели: «Дойду до конца тоннеля, проверю, цел ли он – и вернусь с полным докладом».

Опасения разведчика были нелишними. Проломив бетон и погнув арматуру, сверху в тоннель уже давно проникли корни деревьев Тайницкого сада, и лишь отсутствие пищи мешало им долотать творение рук человеческих. Так и остались они гладкими контрольными щупальцами свешиваться с потолка до тех пор, пока не потревожит их покой теплая, живая и неосторожная плоть. Что будет потом, Данила старался не думать – корни мутировавших деревьев на такой глубине быстрее и мощнее ветвей, и даже мечом справиться с ними будет непросто.

Разведчик переложил факел в левую руку, а правой потянул из ножен клинок. Хорошее оружие, единственная память, оставшаяся от отца: его запасной меч. Сталь замечательная, заточку держит отменно, единственная беда – коротковат. Во втором рейде, пока кузнецы арматуру нарезали, пришлось повоевать немного с шайкой нео голов с полдюжины числом. Для четверых разведчиков шестеро нео не проблема, но самый здоровый из мутантов все же ухитрился подставить утыканную железными штырями дубину под удар Данилы. В результате чего меч разведчика стал короче на два пальца. Хорошо что не у рукояти отломился, потеря была бы серьезная. А так переточили кузнецы клинок, и стал меч похож не на меч, а на большой кинжал. Данила виду не подал, всем объявил, что так даже удобнее в ближнем бою. А в душе все же осадок остался. Просили и рука, и ножны привычного полноразмерного оружия. Но не было в Кремле лишних мечей.

Много чего уже не было с той поры, как кончились запасные детали для генераторов электроэнергии, истощились казалось бы нескончаемые запасы патронов для автоматов и снарядов для пушек и опустели гигантские подземные склады продуктовых НЗ. Положа руку на сердце, уже несколько лет лишь чудом сдерживали люди атаки нелюдей. И если бы те тоже не выдохлись за почти два столетия непрерывной войны, кто знает, может, уже и не было бы людей на этой земле...

Данила легко лавировал меж корней, которые к тому же шугались огня, от света и избыточного тепла шустро загибаясь вверх, к потолку. Меч не понадобился – деревья любили мясо, но опасались пламени и запаха дыма. Оттого и распался шевелящийся впереди клубок древесных щупалец, высвободив гибкое мохнатое тело и метнувшись кверху от греха подальше.

На пол шмякнулась неслыханно размеров крысособака. Таких Данила ранее не видел. Раскормленная тварь размером с жеребенка фенакодуса и абсолютно белая. Не иначе альбинос, всю жизнь проживший в подземелье. Высосать кровь из мутанта корни не успели, но дыру в боку просверлили изрядную. Из раны по белой шерсти стекала темная кровь. Крысособака с трудом поднялась на ноги, не отводя красных глаз от человека. Понятное дело, еще вопрос, кто для нее опаснее – деревья или двуногий с огнем и стальной смертью в руках.

Добить? Данила поднял меч – и опустил. Медленно и не на шею мутанта, как собирался вначале. Потом вообще спрятал оружие в ножны.

Ничем не напоминал мутант давным-давно погибшего в Тайницком саду щенка Няшку, разве только белой мастью. И в другое время Данила срубил бы голову твари не задумываясь. Но сейчас разведчик подивился сам себе. Убивать животное не хотелось. То ли потому, что взгляд у него был слишком осмысленным. То ли все-таки всколыхнуло в памяти, как, горюя об отце, плакал, уткнувшись лицом в короткую белую шерсть. То ли потому, что крайне опасное животное вдруг заскулило и повернулось раненым боком, словно прося помощи у человека.

– Ну и чем я тебе помогу? – пробормотал Данила, приближаясь к мутанту. – Типа, раз спас, то спасай до конца, да?

Крысособака не ответила, разве что скульнула еще раз – и замолчала, мол, сам решай, что делать, я все сказала.

– Хорошо, что наши не видят, – буркнул разведчик, доставая из аптечки пластырь из бересты и черной березовой смолы. Подумал секунду – и положил на середину лоскута еще и шарик регенерона, дефицитного лекарства, добываемого из печени гигантского рукокрыла. После чего ловко прилепил пластырь на рану, про себя подивившись переразвитой мускулатуре мутанта, – вблизи бугры мышц выглядели точно как переплетение корней плотоядных деревьев, из плена которых вывалилась странная крысособака.

– Ну, если после этого ты на меня бросишься на узкой дорожке, это с твоей стороны будет большое свинство, – сообщил Данила мутанту. – Выздоровлявай... Няшка. Или как там тебя по имени-отчеству.

Береста плюс регенерон – лекарство отменное, при контакте с кровью действует почти мгновенно, локально восстанавливая поврежденные ткани на глубину чуть не до десяти сантиметров. Один из немногих подарков мутировавшей природы выжившему человечеству. В остальном та природа преимущественно мстит людям по полной...

Кровь остановилась. Крысособака внимательно посмотрела на человека. В ее глазах плясали красные языки отраженного пламени факела. Не поймешь, чего хочет. Может и броситься, кстати. Кольчугу не прокусит, а если в незащищенное бедро цапнет – не обрадуешься, кожаные штаны не спасут от ядовитых зубов...

Неожиданно крысособака подалась вперед. Ее раздвоенный черный язык мелькнул словно черная молния – и Данила ощутил на тыльной стороне ладони влажное прикосновение.

О как! Поблагодарила, значит. С ума сойти, один из самых опасных мутантов знает, что такое благодарность. Хотя, может, это генетическое, от собачьего предка, неизвестно каким макаром умудрившегося много лет назад спариться с гигантской крысой.

Мутант еще раз внимательно, словно запоминая, посмотрел на человека и, припадая на левую лапу, скрылся в одном из боковых ответвлений тоннеля, больше напоминавшем нору метрового диаметра.

– Ничего себе, даже «спасибо» сказал, – хмыкнул Данила и пошел дальше, удивляясь сам себе. Чушь какая-то. И что такое нашло? Айболит, блин, Дедмазаевич. Не иначе белая крысособака еще и телепат, иначе не объяснить своего благородного порыва. И теперь хорошо бы по пьяному делу народу не проболтаться, как мутанта лечил, а то ж засмеют.

Но через несколько минут Даниле стало не до размышлений о странных мутантах.

В тоннеле ощутимо повеяло сыростью, неверный свет факела то и дело выхватывал пятна плесени на стенах. Вскоре под сапогами захлюпала вода. Понятно, над головой Неглинка. Неприятное ощущение, особенно когда знаешь, какие твари водятся в реке, черной петлей опоясывающей Кремль. Хотя не будь той петли, глядишь, и людей бы уже в крепости не осталось. А так опасаются мутанты в воду лезть, потому как существа, в той воде обитающие, на всякую плоть реагируют моментально. Минута, а то и меньше – и остаются от живого существа лишь наиболее крупные фрагменты скелета, те, которые разгрызть

не удалось или которые целиком в пасть не пролезли. Потому на западной и южной стене Кремля пушек, что до Последней Войны стояли у здания Арсенала, а позже были перетасаны на стены, в несколько раз меньше, чем на восточной стене, не отгороженной от остального мира ровом с ядовитой водой.

Данила ускорил шаги, прикидывая, где может быть выход из подземелья. Получалось, сразу за Москворецким мостом, вернее, за тем, что от него осталось. Судя по вчерашней сводке, левое крыло вражьей силы вроде как расположилось сразу за развалинами Форта, может, чуть дальше. Но «вроде как» – это не разведданные, а так, предположения, отчего и решено провести разведку боем. И что сейчас делается вдоль Васильевского спуска, это тоже из серии «вроде как», все равно никто ничего доподлинно не знает. В тумане не видать ни черта, будь он неладен. Уже сколько дней висит пеленой, ни туда ни сюда. Не иначе шамы постарались. А это очень плохо. Поди угадай, когда из-за клубящейся стены хлынет орда мутантов и боевых роботов...

Идея разведать подземный ход и вернуться сейчас показалось Даниле неразумной. Одного разведчика всяко труднее обнаружить, нежели группу. К тому же ход на ладан дышит, того и гляди его Неглинка затопит. Да и прошел он уже изрядно. Пока вернешься, пока доложишь, пока начальство решение примет, отряд уже в разведку боем уйдет – и смысл тогда в его самоволке? По шапке всяко получать за инициативу, которая, как известно, всегда накакуема, так не лучше ли тогда довести ее до конца?

Света становилось все меньше. Еще немного – и от факела один «пшик» останется. Данила уже почти бегом двигался вперед – благо больше не мешали корни деревьев и воды под ногами стало меньше. Что сейчас над головой? Не иначе бетонные обломки Форта, оборонительной линии, две сотни лет назад спешно выстроенной перед Кремлем – и, в отличие от него, в Последнюю Войну не устоявшей перед натиском вражеских боевых машин...

С потолка свешивался кусок арматуры, при ближайшем рассмотрении оказавшийся куском насквозь проржавевшей лестницы. В отличие от строителей подземного хода со стороны Кремля, те, кто прилаживал эту лестницу, не заботились о ее долговечности.

– Твою мать, – ругнулся Данила. Если эти обломки прошлого выдержат вес воина вместе с броней и оружием, можно считать, что тому воину крупно и нереально повезло.

Подняв тлеющий факел повыше, Данила так и не смог рассмотреть, что делается в узком бетонном аппендиксе, круто уходящем вверх. Вроде не завален, можно попробовать. Вернее, нужно.

В паре метров впереди ход заканчивался стеной. Стало быть, путь этот без ответвлений, прямой, из точки А в точку Б, если не считать ходов, прорытых крысособаками. Из чего делаем вывод – или лестница выдержит, или придется идти назад несолоно хлебавши. И еще хорошо бы, чтоб аппендикс наверху не был заблокирован бетонными обломками Форта.

Данила подпрыгнул, ухватился за перекладину лестницы – и приземлился обратно с куском ржавчины в руке, вдобавок рассыпавшемся прямо в ладони.

Лестница проржавела насквозь. И с этим надо было смириться. Но смириться не хотелось. Плох тот разведчик, что пасует перед трудностями, не используя все возможности. Даже если этих возможностей на первый взгляд и нет. Ведь давно доказано – их нет обычно для тех, кто не ищет.

Факел мигнул в последний раз – и погас. Но он уже был и не особо нужен. На ощупь отвинтив складной стакан и вернув его в чехол, Данила снял с пояса тонкий шнур, сплетенный из женских волос. Вовсе не для красоты с младенчества отращивали косы девчонки в Кремле. Были, конечно, еще веревки, которые плели для военных нужд из хвостов фенакодусов, но те шли не разведчикам, а простым воинам. Потому как выходили толще и не такими прочными.

На конце веревки имелся заточенный крюк, при необходимости раскладывающийся в трехпозиционную кошку. Как назывался металл, из которого крюк был сделан, Данила подзабыл – да и надо ли оно, помнить что и как называлось в прошлом? Тем более что в настоящем такое не повторить никакими силами. Главное, что крюк был в меру легким, не потерял своих свойств за двести лет эксплуатации – разве только редкие подточки слегка истончили миниатюрные клинки – и сам не потерялся в многочисленных битвах.

Раскрутка, бросок – и крюк вместе с привязанной к нему волосяной веревкой улетел вверх. И упал обратно вместе с дождем из ржавой трухи, от которого Данила, предвидя такой исход, своевременно отпрыгнул. Потом был еще бросок. И еще...

Лишь пятый бросок увенчался успехом. Крюк зацепился за что-то наверху, и Данила, поплевав на ладони, начал подъем, стараясь не делать резких рывков.

Разведчик поднимался на руках, пока сапоги не коснулись внутренней части узкой бетонной трубы. Дальше дело пошло проще...

Биться как с оружием, так и голыми руками в Кремле учили всех с малолетства. Каждый знал, что в схватке с мутантом эффективны не только нож или пистоль, но и удар кулаком по носу, пальцем в глаз или ногой в подбрюшье. И чтоб та нога сноровистее летала, а руки имели железный хват и стальные пальцы, что пацанов, что девчонок в Школе на уроках по рукопашному бою тянули на шпагат до результата, заставляли лазать по канату, отжиматься на кулаках и пальцах, держать «уголок» на брусках. Мол, в жизни пригодится. Как, например, сейчас – упереться рифлеными подошвами сапог в стенку трубы, а руками перебирать веревку, медленно, но верно поднимаясь все выше и выше. В темноту.

Данила усиленно гнал от себя всяческие «а что, если?», возникающие в голове по мере подъема. Залезем – видно будет. Если выход завален, значит, слезем обратно и вернемся. Или придумаем что на месте. А паника в мозгах – это всегда лишняя и непродуктивная трата энергии на полную ерунду.

По расчетам Данилы, поднялся он метров на пять, когда обнаружилось, что крюк зацепился за крепежную скобу обрушившейся лестницы, которая была сделана из более коррозионностойкого металла. Второй раз метать крюк было неразумно – свалится заточенная кошка, попадет крюком в глаз – мало не покажется. Потому Данила, держась одной рукой за веревку, другой достал пяток метательных гвоздей. Или ножей – это уж каждый называет как ему больше нравится.

Точенные из кусков нарезанной арматуры, заточенные штыри с обмотанной шнуром рукоятью в умелых руках были страшным оружием. Матерые дружинники с пятнадцати метров метали их в древесный лист, прилепленный к бревну. А уж с десяти метров каждый пятнадцатилетний пацан в Кремле втыкал восемь из десяти заточек в глаз нарисованному мутанту. Даже экзамен такой в школе был. Потому как оружие дешевое и эффективное – и с расстояния можно в ежа превратить тварь приبلудную, и врукопашную, коль уж до нее дойдет, заточка сгодится. Не боевой нож, конечно, но и не с голыми руками ходить, даже если ты не Воин, а Пахарь или Мастеровой.

Свои гвозди Данила точил по-своему, как, впрочем, делал это каждый Воин. Кому как под руку удобнее. Кто-то трехгранные предпочитал, иной просто, не морочась, ошкуривал ржавчину и затачивал кончик, оставляя вместо рукояти арматурную накатку – унес мутант заточку в шкуру, и бес с ней, не жалко. Данила же, не ленясь, свои металки обрабатывал в кузнице, превращая их в пластины, предельно схожие с настоящими ножами. Которые и летят дальше, и в плоть входят глубже, и как инструмент сгодиться могут. Или как клинья, например, которые запросто можно вогнать меж стыков бетонных колец, превратив их в опору для ноги.

Ножей было немного. Хватит ли? Кто ж его знает, когда потолка не видно. Придется экономить.

Зажав ножи в зубах, Данила вбил первый из них в стену колодца стальным наручем. Перенес вес тела на стальную опору, отдохнул немного, представил, каково будет вниз падать, когда сил совсем не останется, – и полез дальше. Потому как долгий отдых сил забирает не меньше недоделанной работы.

Потом был второй нож. После чего, зафиксировав правый каблук на рукояти, Данила смотал веревку, прицепил ее обратно на пояс вместе с крюком и позволил себе немного отдохнуть. Конечно, тот еще отдых – одна нога на рукояти ножа, вторая нога на другой рукояти, а остальные конечности на каких-то микроскопических выступах, невидимых в темноте. Но все же лучше, чем ничего.

Тогда, отдыхая, разведчик всерьез пожалел, что перед подъемом не снял кольчугу и шлем-каска. Если заметит патруль нео – не уйти. Некуда. Ворота в Кремле вряд ли откроют, даже если увидят беглеца, преследуемого толпой нео, а подземный ход в сердце крепости светить никак нельзя. То есть получалось, что попадаться патрулю мутантов нельзя полюбому, иначе пути назад нет и придется погибнуть фактически ни за что.

Металлический вкус от ножей во рту начинал раздражать не меньше веса брони. Не иначе еще и потому, что бесился Данила прежде всего на себя. Дернул же черт идти на разведку в одиночку! Да если б...

В это мгновение маковка шлема ткнулась в твердое, отчего подшлемник съехал на брови.

Данила осторожно поднял одну руку и ощупал то, что было над головой. Холодное и осклизлое. Похоже, стандартный чугунный люк в потеках подвальной сырости и вездесущего изумрудного мха, что жрет неухоженный металл словно жук-древоточец сухую мебель. Причем насквозь проржавевший, как и лестница. Труха, а не металл.

Разведчик коротко, без размаха саданул по люку рукавицей, окованной сталью. И зажмурился. Рука пробила металл насквозь, ржавое крошево сыпануло на лицо и за шиворот. Не самое страшное, хуже было бы, если б люк был из нержавеющей стали.

Несколькими движениями Данила расширил отверстие – металл, изъеденный временем и изумрудным мхом, ломался словно черствый пирог. Когда последние куски пористого чугуна ухнули вниз, разведчик осторожно подтянулся на руках и выглянул наружу.

Понятно, почему ход до сих пор не обнаружили.

Над головой Данилы нависали многотонные обломки бетонных плит и клубки перекрученной арматуры. Сквозь щели между плитами пробивались редкие и слабые лучи восходящего солнца...

Развалины Форты. Похоже, подвал одного из ДОТов. Хорошо, если удастся выбраться отсюда на поверхность. Хотя, если и не удастся – тоже неплохо. Приладить веревку, замаскировать выход – и обратно в Кремль. Глядишь, за находку секретного выхода из крепости самоволка и простится. Только потом разведчики все равно засмеют – ход нашел, а посмотреть, что снаружи делается, побоялся.

Крюк Данила зацепил за стену колодца, а шнур накрепко привязал к креплению обвалившейся лестницы. Нормально получилось. Двойная страховка, даже если очень сильно дернуть, включив в рывок вес всего тела, оборваться не должно. И выход замаскировал неплохо – получилось вытащить из-под ближайшей горы щебня искореженный бронешит от какого-то орудия, надвинуть его на круглую дыру в полу и засыпать тем же щебнем. Нормально, рядом будешь стоять и не заметишь среди гор мусора, оставшихся до сего дня нетронутыми с последнего дня Последней Войны.

Вокруг валялись слежавшиеся от времени ржавые остовы разного оружия, перемешанные с выбеленными ветром и дождями костями его владельцев. Все это было замешано на бетонном крошеве и многолетней пыли, сцементировавшей жуткий коктейль.

Данила снял шлем-каска и постоял немного, думая о защитниках Форта, которые отдали свои жизни за тех, кто в результате все-таки смог отстоять Кремль – последний оплот человечества.

– Спасибо, – прошептал разведчик. Тихий шепот прошелестел в развалинах – то ли неупокоенные души мертвых отозвались на человеческий голос, то ли ветер прошелестел где-то поверху, в который раз уже за многие десятилетия пытаюсь найти вход в развалины...

Данила надел шлем, сделал три шага по направлению к наиболее широкой дыре между двумя плитами... и остановился, заметив что-то странное, торчащее из земли. Ненамного, может, на сантиметр.

Присев на корточки и приглядевшись повнимательнее, разведчик понял – мина. Рассказывали о таком на занятиях. Кто и зачем поставил ее сюда, покидая поле боя, оставалось загадкой. Возможно, последние Воины, защищавшие Форт и обнаружившие древний ход в Кремль. Правильно рассчитали – войдет враг, наступит – и сам похоронит и себя, и вход в подземный тоннель. Но враг не вошел, выход из ДОТа после ухода защитников завалило, а мины остались.

– Значит, будем осторожнее, – прошептал Данила, обнаружив еще два датчика цели, торчащих из щебня. После чего, пятась, специальной волосяной кистью замел свои следы на пыльном ковре. Теперь только ориентиры запомнить осталось, чтоб самому не забыть, где находится вход в колодец.

Отметив в памяти пробитый пулей череп, слепо глядящий на место схрона, Данила принялся обследовать ДОТ на предмет поиска выхода. Та еще головоломка – выбираться из развалин со стенами метровой толщины. Того и гляди потревоженная глыба стронется с места и размажет в кровавую пленку.

Как раз такая и попалась Даниле, когда он ужом протискивался в щель меж плитами. Сдвинулась всего ничего, на пару сантиметров, – и уперся обломок арматурины в грудину. Если б не зеркало, пропорол бы до позвоночника. Хорошо все-таки, что с кольчугой в подземелье не расстался.

Осторожно, по миллиметру протащил себя разведчик по бетону, напрягая мышцы изо всех сил и слушая, как скребет арматурина по стали, снимая с нее тонкую стружку. А потом рванул вверх не думая. Потому как, если подумать – так точно получишь железный штырь в брюхо. Мысль всегда тормозит тело, когда нужно действовать. Думать нужно раньше...

Повезло. Глянув назад, Данила увидел, как плита, покачавшись на невидимой опоре, обваливаться передумала и застыла, словно хищник после неудачной охоты, решивший подождать менее сноровистую добычу. Вот и соображай после такого. Глядишь, и правы окажутся шамы, которые, судя по слухам, считают, что у каждого предмета есть своя душа. Только найти бы того, кто говорил с теми шами. Не иначе, опять легенды...

– Не надоело? – раздалось неподалеку.

«О, черт!» – пронеслось в голове Данилы.

– Не надоело?.. – прокатилось эхом дальше.

Пост нео, знаменитые «десятки». Основная армия тренируется или отдыхает перед штурмом. А в относительной недосыгаемости крепостных пушек выставляют оцепление. Пятеро нео греются у костра, отдыхают, спят, судачат за жизнь – потрепаться они большие любители, несмотря на мозги, мелковатые по сравнению с массивным черепом. Четверо дежурных образуют квадрат, в центре которого находится отдыхающая смена, причем каждый из дежурных должен видеть двух остальных. А пятый дежурный, обычно покрупнее остальных, ходит по периметру и шпыняет караул, чтоб не спали, не увлекались поиском блох и не ковырялись в физиологических отверстиях, отвлекаясь от службы.

При всем при этом эпизодически, а особенно в условиях неважной видимости в тумане, караульные по очереди обязаны были орать: «Не надоело?» На что товарищи по

оружию хором должны были ответить: «Не надоело!» Таким образом проверялось, все ли на месте и не пора ли менять смену. Когда же большинство голосов ревело: «Надоело!» – происходила смена караула. При этом, если мохнатым сторожам слишком быстро надоедало нести службу, порой случались локальные свары между сменами, которые два начальника быстро пресекали кулаками и дубинами. А уж как это «Не надоело?» осточертело кремлевским караульным – не передать... Но надо признать, что такой способ осадного оцепления был неплох, учитывая присущую нео недисциплинированность. Например, в случае обнаружения разведотряда защитников Кремля, охранник поднимал оглушительный рев, на который сбегались девять сотоварищей, включая отдыхающую смену, плюс два соседних десятка. А тридцать нео – это уже реально опасно даже для бронированного отряда обученных мечников.

Итак, неподалеку от выхода из ДОТа расположился караул. Н-да, не повезло. И непонятно, где он. Все пространство вокруг было затянуто клубами густого тумана. При всей выучке разведчика крайне сложно предугадать, когда из серой пелены вынырнет коренастая, мускулистая фигура с окованным железом дубиной в лапе или с подобием стального меча, выломанном из кучи мусора и грубо обработанном при помощи булыжника. У начальства нео мечи встречались чаще, а вожди родов и племен, помимо мечей, бывало щеголяли даже фрагментами доспехов, снятых с убитых защитников Кремля.

«Так, если оказался в центре караула, надо попробовать зайти за линию оцепления, посмотреть, где расположились основные силы, и что, собственно, они собой представляют. И по-возможности тихо вернуться...»

Но тихо не получилось. То есть не повезло сразу. Личного опыта разведки в условиях плохой видимости у Данилы не было. А наставления преподавателей насчет того, что туман искривляет звуковые волны и затрудняет определение источника звука, вспомнились, лишь когда он фактически наткнулся на нео, изумленно разглядывающего невесть откуда появившегося человека.

Двухметровый человекообразный, судя по светлому меху, был не старше Данилы. Морда с развитыми надбровными дугами, клыки, выбегающие из слегка вытянутой вперед нижней ее части, шеи нет, голова, словно ядро, на плечи положена, из одежды только тряпка на бедрах да кривая доска, вместо зеркала прикрывающая широченную грудь. Данила успел заметить, что примитивная броня держится на нео при помощи нескольких веревок, сплетенных довольно искусно. В руке человекообразный держал грубо вырезанный тяжелый корень, утыканный кусками арматуры. Таким если со всей дури по голове приложить, шлем-маска в грудную клетку уйдет по маковку.

Был бы нео поопытней, глядишь, заорал бы сразу. Но в молодости каждому хочется подвига. Потому караульный прыгнул молча, в прыжке легко занося над головой свое оружие.

Но с воинской выучкой у Данилы было не в пример лучше. Он метнулся вбок, уходя с линии атаки и одновременно отработанным движением выбросив вперед руку.

Нео тяжело приземлился, покачнулся – но не упал. Лишь застонал тихо, поворачиваясь к противнику.

Данила скрипнул зубами. Еще одна ошибка. В тумане расстояние до предметов кажется больше, чем есть на самом деле. Потому метательный нож вонзился не в переносицу, где у нео самое уязвимое место, а в глаз.

Самое бы время человекообразному начать вопить – ан нет, стерпел. Мало того – не выдергивая железа из глазницы, отбросил дубину и ринулся в атаку снова. Уже не оружием достать врага, а схватить и разорвать. Или задавить массой, если сил порвать не хватит.

Но силы уходили стремительно вместе с глазной жидкостью и кровью из пробитой глазницы. Потому Даниле удалось перекатом вперед и вбок уйти от растопыренных лап и, вскочив на ноги, коротким ударом вонзить меч в основание черепа врага.

Нео вздрогнул всем телом – и упал. Глухо ударила о щебень нагрудная доска.

«Слишком много шума...» – пронеслось в голове Данилы. Словно в подтверждение этой мысли справа и слева донеслось:

– Не надоело?

В реве караульных была явно различимая тревога. Туман, не видно ни шама. И хотя тот туман укрывает человекообразных от пушечного огня со стен Кремля, но в нем своих товарищей по смене тоже не видно. Потому и остается переключаться да прислушиваться.

– Не надоело! – проревел Данила, подражая вражьему голосу и очень надеясь, что караул спишет различие тембров человеческой и человекообразной глотки на туман. Хотя разведку и натаскивали специально на именно это «Не надоело», но все равно разница была заметной...

Похоже, прокатило. Из тумана донеслось какое-то недовольное ворчание, но все ж это не топот и не глухой лязг множества когтей об осколки бетонных плит.

Значит, передышка. До тех пор, пока старший смены не найдет труп...

Так, ходят они всегда по солнышку, медленно, размеренно, стало быть, времени есть минуты три, не более...

Данила ухватил труп за клоч сальных волос на затылке, приподнял, выдернул метательный нож из глазницы трупа, вытер клинок о серую шерсть, свалившуюся сосульками от обильного кожного сала, поморщился от вольерной вони немытого тела и, спрятав металку обратно в кошель на поясе, тенью скользнул в туман.

И почти сразу, не пройдя и пары десятков шагов, услышал слегка надтреснутый возрастом голос.

– Баба должна быть толстой, – сообщил невидимый оратор. – И с большими сиськами.

Данила аж притормозил слегка. Насчет первого утверждения у него имелись сомнения, но со вторым трудно было не согласиться.

– От толстой бабы много пользы... – продолжил голос, без сомнения принадлежавший тёртому жизнью нео. После чего говоривший сорвался на кашель.

– Какой пользы, мудрый Кер? – с почтением спросил голос помоложе.

– Для жизни, – разъяснил невидимый Кер, прокашлявшись. – Рядом с ней тепло спать. От нее идут хорошие волны. Она не пытается рычать на мужа. У нее много сала под кожей, и она всем довольна. В теле худой бабы мало сала, и от нее идут плохие волны. Ее тело знает, что в голод умрет первым, и потому тянет силы из мужика. Такая баба рычит и злит мужа. Мужик, когда злится, отдает много силы через волны ярости и потому рано умирает. Тогда худая ищет другого дурня, чтобы тянуть силы из него.

Данила аж рот открыл – второй раз за сегодня. Вот тебе и тупые мутанты! Оказывается, среди них есть и философы...

– К тому же толстую можно съесть, когда голод, – добавил мудрый Кер. – Кто бабу откармливает, тот ее и ест. Толстой хватит надолго. А худая сгодится лишь на суп. Ну, еще кожа у них хороша для бубнов, ее можно продать шаманам.

«Нет уж, философия нео не для нас», – подумал Данила, стараясь ненароком не наступить на какой-нибудь предательский камешек. Голос мохнатого мудреца понемногу удалялся, заглушаемый клубами почти осязаемого тумана...

Из которого совершенно неожиданно возникли трое нео. Один из которых был заметно крупнее других. И страшнее с виду. Половина его шкуры слезла, под рваными ошметками омерзительно пульсировали и сокращались участки красной оголенной плоти. Но, похоже, данное обстоятельство переростка нисколько не беспокоило. Его глаза горели энергией и

живым умом, а переплетения оголенных мышц исправно выполняли свою функцию и без кожи.

В одной руке акселерат держал сеть, весьма искусно сплетенную из волос, во второй зажата увесистая палка, в несколько слоев обмотанная какой-то тряпкой. Пристяжь переростка была вооружена аналогичным способом. Так нео ходят охотиться на добычу, когда рассчитывают захватить ее живьем. И, судя по тому, как ощерился вожак группы, Данила понял – охотились именно за ним.

«Откуда они узнали?..»

Но его движения, отработанные до автоматизма, были быстрее мысли. Если есть трое нео, которые целенаправленно охотятся на него, значит, таиться больше нечего. Остается только одно – сделать все, чтобы не попасться живым. И подороже продать свою жизнь.

Двуствольный пистоль словно сам собой оказался в руке. Выстрел – и ближайшая пристяжь гиганта свалилась с дырой во лбу, в которую свободно прошли бы два пальца. Второго выстрела не последовало – кремень вылетел из курка от удара об огниво, так и не воспламенив пороха. Что поделать, кузнецов мало в Кремле, а самому выточить новый курковый винт умения не хватает. Вот и приходится ждать очереди на профессиональный ремонт оружия. Результат налицо.

Вернее, на лице...

От первой сети удалось увернуться, зато вторая попала точно, накрыв в несколько слоев голову и плечи. Не то чтобы стеснила движение, скорее ослепила.

Данила попытался откатиться в сторону и одновременно сбросить сеть – и у него почти получилось. Получилось даже меч достать и, распластавшись в прыжке, ткнуть им в приближающегося гиганта, раскручивающего над головой огромную дубину...

Не получилось достать до намеченной точки между нижней челюстью и верхом выпуклой груди, подрагивающей обнаженным мясом. Немного привычной длины клинка не хватило, как раз того обломка, что был потерян в прошлой стычке с нео.

А потом на шлем-каска рухнуло небо...

– Три больших мешка черного давай?

Данила с трудом приподнял голову – аж шея загудела от непомерного усилия. Такое впечатление было, что прямо над ушами наложили веревку, а после закрутили ее палкой на манер болта. Говорят, так нео пытали людей развлечения ради.

Способность мыслить возвращалась туго. Хотя нет, вряд ли это от веревки. Похоже, облезлый дубиной по шлему заехал, а тот оделся на голову, чудом не снес уши обручем.

– Обезьян, ты не охренел часом? – осведомились сверху.

Разведчик сморгнул несколько раз, и серая муть перед глазами распалась клочьями волшебного тумана шамов. Хотя на самом деле тумана больше не было – он присутствовал лишь в ушибленной голове Данилы, покачиваясь где-то в районе макушки и провоцируя рвотные позывы. Но через несколько мгновений, проморгавшись, разведчик понял, что смотрит на красную кирпичную стену, знакомую с малолетства. Только не на внутреннюю ее часть, а на внешнюю.

– На хрена нам предатель, да еще за три мешка пороха?

Голос был знакомым.

Данила поднял голову повыше... и остро пожелал вновь провалиться в беспамятство. А еще лучше – умереть прямо сейчас, на руках двух нео, крепко державших его за локти, стянутые путами за спиной. Впереди, на фоне стены Кремля, маячила спина облезлого акселерата, перепоясанная в талии широким ремнем. В руке нео держал палку с грязной и рваной простыней на верхушке – вероятно, эта унылая тряпка, смотанная с дубины, должна была означать белый флаг.

А в нескольких метрах над флагом торчали кирпичные зубцы, меж которыми... Нет, лучше не смотреть. Данила вновь опустил голову, словно взгляды товарищей по оружию пригнули ее к земле. Бывших товарищей...

– Два мешка, – неуверенно сказал облезлый, для убедительности продемонстрировав пару пальцев с черными когтями. Вряд ли они у нео были черными от рождения, скорее, в них просто въелась грязь и спекшаяся кровь.

– Маленьких, – добавил переросток. – Он двоих наших убил.

– Тюю! – протянул кто-то сверху. – Да он еще и драться не умеет! Всего двое обезьянов – и в плену. Позор для разведчика.

Ратмир... Точно он. Его голос. Странно. Друг же закадычный, с детства вместе. Эх... И караул башни рядом, Горын с Таргатом. Странно, башня над головой вроде не Никольская, а...

– Значит, так, – раздался над головой Данилы голос его десятника. – Иди-ка ты, нео, к своим и скажи, что мы предателей на порох не меняем. Порох есть ценность, предатель – ничто. Менять ценности на ничто есть неразумно.

– Один маленький, – быстро сказал акселерат, отступая назад на пару шагов.

– Шел бы ты отсюда, облезлый, пока я к пушке фитиль не поднес. А то шибко руки чешутся.

«Это Горын. А в голосе – боль неподдельная. Вот бы не подумал... Но Ратмир! Неужто он к Радомире приревновал?»

– Ратмир, воеводе доложи... – прохрипел Данила ссохшимися от жажды голосовыми связками.

– Я все сказал, – отрезал десятник.

Больше нео спрашивать не стал. Только развернулся, рыкнул своим что-то нечленораздельное и, сломав о колено древко «белого флага», пошел прочь от стены. Следом за ним заспешили конвоиры, таща за собой пленника.

Даниле приходилось нелегко. Облезлый вожак периодически вставал на четыре конечности – похоже, передвигаться так ему было гораздо комфортнее. Его пристяжь едва поспевала за ним на своих двоих, особо не церемонясь с досадной помехой, не умеющей передвигаться полутораметровыми прыжками. Не иначе мутанты спешили после неудачных переговоров побыстрее убраться из зоны досягаемости чугунных пушек Арсенала, через одну установленных меж зубцов крепостной стены.

– Да чтоб вы сдохли! – прорычал Данила, бесясь, что не может ничего сделать против двух полулюдей-полуобезьян, словно клещами сжимавших его связанные руки. Не будешь бежать – вывернут плечи из суставов и все равно потащат. Руки же еще могут пригодиться. Потому приходилось приноравливаться к их бегу, перепрыгивая через ямы и поросшие изумрудным мхом бетонные обломки погибшей цивилизации.

Наконец троица вместе с пленником вступила в серую пелену, которая странно напоминала обесцвеченное и потерявшее форму отражение кремлевской стены. Пройдя еще немного на свет, маячивший в тумане, они вошли в круг, выложенный из камней, в центре которого горел костер.

Вокруг костра сидели пятеро нео. Двое грели лапы, чуть не суя их в пламя. Третий сосредоточенно следил за тем, чтобы не подгорело мясо, вздетое на несколько прутков и положенное на рогульки, что были натканы по обе стороны костра. Двое последних занимались оружием – один своим, ковыряя дубину железякой, другой Данилиным, любовно поглаживая клинок меча, словно ребенок дорогую игрушку.

– Не вышло, мудрый Кер, – прорычал облезлый.

– Бывает, – проскрипел один из тех, что коптил собственные пальцы, похоже вообще нечувствительные к огню. Его шкура была полностью седой, хотя под слоем многолетней грязи рассмотреть это сразу было непросто.

– Что с ним делать теперь?

Седой Кер совсем по-человечьи пожал плечами.

– Съедем на ужин, – сказал он. – Что еще делать с ним? Не к Краггу же тащить.

– А почему не к Краггу? – поинтересовался один из мутантов.

– Потому что тогда его съешь не ты, а Крагг, – ощерился нео, которого называли Кером.

Облезлый ощерился в ответ и потянул из-за пояса широкий боевой нож, изъятый у Данилы.

– Не здесь, – скривился Кер. – Отведи подальше, слей кровь, мясо неси сюда. А то опять Арр поскользнется в луже и упадет в костер.

Сидящие вокруг костра мохнатые зверолюди заржали вместе с конвоирами. Кроме одного, который следил за мясом. Судя по тому, как перекосило его обезьяноподобную морду, это и был Арр.

– Благодарю, мудрый! – оскалил клыки переросток, когда все отсмеялись. – Давно я не пил свежей крови. Пошли, мясо!

Ладонь размером с коровью лепешку сжалась на плече Данилы. Ратник сцепил зубы, чтобы не застонать, – кольца кольчуги, продавив подкольчужник и рубаху, впились в кожу. Облезлый был невероятно силен, и потому бесполезно пытаться вырваться из его хватки со связанными за спиной руками. Понятное дело, что, как бык на бойне, становиться под нож Данила не собирался. Правда, обидно до скрежета зубного, что по-любому это будут трепыхания селезня перед тем, как ему отсекут голову.

Далеко углубляться в туман облезлый не стал. Отведя, вернее, оттащив Данилу на пару десятков шагов, он отпустил плечо пленника, развернул лицом к себе, ухватил его за волосы и, довольно широко расставив ноги для устойчивости, резко откинул голову парня назад, заноса нож для удара.

Данила не сопротивлялся. И когда голова пошла книзу, маятником резко выбросил вверх колено.

Клинок ножа застыл в сантиметре от шеи. А над ним разведчик увидел округлившиеся глаза облезлого. Все-таки нео произошли от людей, а не от обезьян, сбежавших из зверинца. И точно такая же реакция бывает у человека, когда ему со всей дури засадят ногой в пах.

Хватка облезлого ослабла, и Данила рванулся изо всех сил, все же оставив меж пальцами акселерата клочок волос. Вскочив, добавил еще раз с ноги в то же место, за которое держался облезлый, – такой удар и через ладони достанет, а если повезет, еще и кисть вражью раздробит – и рванул со всех ног к вполне различимой отсюда границе тумана, за которой виднелась трава и кусты, уже много десятилетий как разломавшие асфальт.

Что это давало? Секунду-две, пока нео придет в себя и в несколько прыжков догонит человека? Может, и так, но не попытаться спастись даже в самой крайней ситуации по меньшей мере глупо.

Данила неслась со всех ног. За его спиной раздался хриплый, яростный рев – нео наконец-то продышался после неожиданной атаки гениталий. Интересно, насколько они у него крепкие, бежать сможет?

Облезлый смог. К эху от ударов сердца, колотящегося, казалось, прямо в ушах в авральном режиме, прибавился стремительно приближающийся топот за спиной. Данила вынырнул из тумана, как рыба из реки, – и понял, что это всё.

Впереди была стена длинного здания, возможно, когда-то высокого. Сейчас от строения осталось где два, где три этажа. Остальное либо обвалилось внутрь, либо осыпалось наружу, и обломки давно поросли травой. ГУМ. Те самые развалины, в которых недавно

скрывался разведчик, пока хитрые нео продавали его шлем. Оббежать руины было нереально, как и нестись по пересеченной местности в надежде уйти от разъяренной дикой твари, все сходство которой с человеком было лишь в умении очень неважно говорить по-людски.

А пошло оно всё!

Данила резко развернулся, готовясь встретить смерть лицом к лицу...

Облезлый с разинутой пастью летел на него, черные когти вспарывали почву, словно железные кинжалы живую плоть, по бокам мутанта трепетали лоскуты отслоившейся кожи. Миг – и всё... Пожилые ветераны говорили, что перед смертью время замедляется, чтобы умирающий воин мог почувствовать всю прелесть смерти в бою. Это в постели от старости смерть тосклива и безрадостна.

Похоже, ветераны были правы. Время и вправду замедлило свой бег – или это тело Данилы как-то пыталось отсрочить неминуемую гибель. Потому за мгновение до того, как черные когти вонзились ему в грудь, ратник отчетливо смог рассмотреть, как меж глаз облезлого внезапно широко распахнулся третий, черный, круглый, будто удивленный фактом собственного появления. После чего у нео вдруг выросла красная грива, как у боевого фенакодуса, раскрашенного охрой перед чьей-нибудь свадьбой.

Что происходит, Данила понял, лишь когда разглядел в кровавом шлейфе кусок расколотого затылка. И чудом успел упасть ничком.

Жаркое тело нео пролетело над ним, лишь слегка ковырнув когтями кольчугу. И с чавканьем врезалось чем-то – головой, наверное, – в стену разрушенного здания.

Данила резко перекатился на спину.

Хмурое небо нависало над ним, словно собираясь раздавить своими извечными свинцовыми тучами, порой прорывавшимися то ржавым снегом, то ядовитыми дождями. Но сегодня оно его не получит.

– Не сегодня, – повторил Данила.

Небо вздрогнуло – и остановившиеся было тучи возобновили свой бег. Пусть не сегодня. Значит, немного позже.

Резко выгнув спину, ратник оттолкнулся плечами от земли и вскочил на ноги.

В двух шагах от него валялась туша нео, словно вросшая головой в стену. Над плечами трупа по стене расплывалась алая клякса. Меж мохнатыми лопатками, словно разбитая чашка, валялся кусок задней стенки черепа, на треть заполненный остатками мозга вперемешку с кровью и костяной крошкой.

Но сам по себе третий глаз у врагов не открывается. Такое если и случается, то лишь при помощи пиццали или фузеи. Но уж больно отверстие во лбу нео было аккуратное. Тогда где звук выстрела, если это из огнестрела пальнули? И если не из него, то что вообще тогда произошло десять мгновений назад?

Ответ на немые вопросы Данилы возник в непроглядной черноте окна. Вернее, появился на мгновение в глубине развалин, словно призрак в балахоне, скрывающем лицо, и коротко кивнул головой – мол, давай сюда, не стой столбом, пока не заметили.

Не любил Данила такие вот покровительственные кивки. Но, с другой стороны, загадочный призрак спас ему жизнь. И был абсолютно прав – стоять на месте явно не стоило. Минута-другая – и из тумана за спиной появятся сородичи дохлого нео, решившие выяснить, с чего бы так долго облезлый возится с добычей.

Широкий боевой нож Данилы торчал за поясом мертвого мутанта. Разведчик сделал пару шагов и, присев, ловко подцепил пальцами оплетенную кожей рукоять. Миг – и обрезки пут упали на траву. На тренировках пару раз в неделю уж точно приходилось проигрывать «побег из полона», так что невеликое это искусство – ремни на собственных связанных руках резать.

Данила выдернул ножны из-за пояса врага, сунул в них нож, после чего ножны отправились за сапог. Вот теперь можно и приглашения принимать.

Ратник прыгнул, красиво вписался в окно, кувырнулся в воздухе, из кувырка выйдя прямо на ноги, – и недоуменно принялся озираться.

В развалинах когда-то огромного строения никого не было. Данила огляделся, щурясь со свету. Черные, словно обожженные обломки стен и перекрытий, круглое большое пятно на полу того же цвета, будто кто здесь огромный костер жег. Причем жег недавно – вонь горелым деревом реально забивала ноздри. Интересно, кто это и чем умудрился так аккуратно выжечь сорняки со стволами толщиной с человека? Вон те сорняки, словно плотоядные звери, испуганные непонятным и страшным явлением, жмутся по краям черного круга, прижав к стволам лысые ветви, больше похожие на щупальца.

И никого. Ни единой зверушки. Что понятно – дурное место, если не знать, как пробираться меж деревьями так, чтобы они не успели тебя схватить. Если здесь живность и появляется, то только в виде нео, облизывающихся на Кремль, когда нет тумана и видно зубчатые стены и величественные башни. А нео, как и плотоядным сорнякам, свойственно жрать все, что шевелится. Потому птицы, мыши, хори и иная мелкая живность этих голодных и опасных мест сторонилась, особенно во время осад, что в последние годы стали явлением частым.

– Знатно кувыркаешься, – раздалось сбоку. – Для таких-то габаритов.

Данила развернулся всем корпусом, рука метнулась к ножу... и застыла на полпути.

Разведчик мог поклясться – только что на этом месте за пределами черного круга никого не было. Только солидный обломок бетона с прилипшими к нему остатками высохшей шкуры – цветок хищной розы сожрал мыша и отрыгнул остатки. Вон он, тот цветок, давно сдохший с голоду, торчит из-под каблука незнакомца в неприметном серо-зеленом пыльнике. Лицо человека скрывал балахон зеленого пыльника, а в руках его уютно устроилась короткая фузея... нет, не фузея. Черт, как же оно называется?

Данила напряг память. Ну да, еще на уроках истории оружия изучали такую штуку, даже разбирать-собирать пару раз доводилось под неусыпным присмотром двух инструкторов – вдруг будущий воин что сломает или испортит? Тогда еще думалось – на кой мне нужно это барахло, когда их осталось с незапамятных времен пара штук на весь Кремль, а патроны к ним израсходовали еще сто лет назад? Сейчас же, когда увидел как непринужденно держит в руках старинную фузею незнакомец в балахоне, сразу поверилось – в этом оружии времен Последней Войны патроны есть! И стреляет из нее незнакомец знатно, судя по дырке в черепе облезлого нео. И плевать, что ее ствол направлен точно в живот Данилы, главное вспомнить, как же оно называется...

– Винторез!

– Нормально, – раздалось из-под балахона. – Ему ствол в брюхо смотрит, а он вспоминает, как тот ствол называется.

Незнакомец потрянул головой, и балахон упал ему на плечи.

– Не угадал, – сказал он. – Автомат специальный «Вал» оно называется.

У незнакомца были холодные серые глаза и абсолютно спокойное лицо без единой морщинки, словно не хмурился он никогда. И не смеялся. Наверно, такое лицо и должно было быть у человека, который способен положить пулю точно между глаз бегущего нео, а после, подав знак спасенной жертве, за пару секунд устроить засаду на случай, если жертва – подосланный убийца, разыгравший сложный спектакль, чтобы добраться до цели.

– А ты как называешься?

«Точно, „Вал“! У „Винтореза“ приклад другой, деревянный! И что-то там с магазинами, где-то больше патронов, где-то меньше, а где оно как – убей не помню...»

– Ты глухой?

– А?

Стрелок внимательно посмотрел в лицо Данилы – и перевел ствол на окно. Разведчик же чуть сквозь землю от стыда не провалился, осознав. Понятно, что подосланных убийц с таким дурацким лицом не бывает. Раззявил рот и слюну пустил, как малец на игрушку, – конечно, что проку в дурака целиться, его и так Бог наказал.

– Данила я, – буркнул Данила.

– Это потом, – бросил через плечо незнакомец. – Твои друзья?

Разведчик скользнул к окну. Так и есть, из тумана, озираясь, вышли двое нео. Один с дубиной, другой – с обнаженным мечом Данилы.

– Не друзья они мне. Враги!

– Догадываюсь, – хмыкнул незнакомец, плавно перетекая в положение для стрельбы с колена. Ремень «Вала» словно сам собой обвился вокруг локтя незнакомца. Данила поневоле залюбовался отточенными движениями стрелка – так дядька Лют мечом работает, ни одного лишнего движения, каждый мах плавно, но крайне быстро перетекает в следующий, создавая единый рисунок смерти. То же и здесь. Автомат плавно поднялся до уровня глаз, два приглушенных хлопка – и пара нео кулями серой шерсти свернулась на границе тумана.

– Я за мечом сбегаяю, – рванулся было Данила.

– Стой.

Тихий приказ словно приковал разведчика к месту. Так даже дядька Лют приказывать не умел, только князь. Скажет – и не захочешь, а сделаешь. Почему? А кто ж его знает. Потому что надо – и все тут.

– Уходим, – бросил стрелок, отсоединяя магазин. – За этими двумя сейчас вся банда попрёт. Куда идти, знаешь?

– Ну... – протянул Данила, лихорадочно соображая, куда можно чесануть из развалин Гумма, да так, чтобы еще и нео не нагнали. – А куда надо?

Дослав два патрона в магазин, стрелок вновь присоединил его к автомату.

– Поближе к Кантемировской.

– Ничего себе ты сказанул! – удивился Данила. – До нее ж чертова дюжина километров!

– Тринадцать? – уточнил стрелок.

Данила кивнул.

– Угу. Снайпер немного промахнулся, – пробурчал себе под нос незнакомец непонятно к чему. – А мы где?

– У Кремля, – еще более недоумевая, произнес разведчик. Ну и мужик, не знает, куда попал! Может, в Поле Смерти по пути зашел и у него мозг слегка повредился? Хотя по тому, как он стреляет, непохоже.

– Где у Кремля?

Данила прикинул – нет, не должны были нео шибко далеко оттащить:

– У Васильевского спуска...

– Мост через реку цел? – быстро спросил стрелок.

– Местами, – сказал Данила. Этот мужик действительно псих, если решил уходить через Большой Москворецкий мост. Легче сразу в реку нырнуть на корм двухголовой севрюге.

Данила прямо почувствовал, как в мозгах у странного мужика нарисовалась карта. Ну да, может, места-то он знает, но вот пройти по ним вряд ли сможет. Если ему не помочь, конечно. Только насчет моста он явно не в тему сказал.

Незнакомец смерил Данилу взглядом. Словно племенного тура в свой коровник на рынке выбирал.

– Ты из Кремля сбежал?

Данила хотел было взъяриться, но вместо этого неожиданно из груди вырвался вздох:

– Выгнали...

– Понятно. Вторым номером ко мне пойдешь?

Данила поднял на стрелка вопросительный взгляд.

– До Кантемировской, – уточнил незнакомец. – Дальше разбегаемся. Твой интерес – вот этот ствол. И патронов к нему, сколько унесешь.

Он качнул в руках «Вал».

У Данилы душа ухнула значительно ниже пяток... «Вал» с патронами! Все равно что золотую рыбку посулить вместе с тремя желаниями. Хотя и одного хватит за глаза. Вот оно, в руках у собеседника, раскрашенное матовым напылением в серо-зеленое, под цвет пыльника и окружающей местности.

Но в то же время ствол стволом, но есть в жизни и другое, более важное. Долги, например.

– Да я бы и без ствола пошел, – с обидой в голосе проворчал Данила. – Я ж тебе жизнью обязан. Да и все равно идти мне особо некуда...

– Это ты брось, – наставительно сказал незнакомец. – Спасти человека от мутанта – святое. Короче, идешь или нет?

Согласия не требовалось – взгляд парня говорил сам за себя.

– Пользоваться умеешь?

Данила кивнул, судорожно перебирая в памяти давние уроки работы с древним оружием.

– Тогда держи.

Еле слышный щелчок предохранителя – и в руки парня лег «Вал». А из-за обломка стены стрелок достал длинную фузею в льняной маскировочной обмотке того-же асфальто-травяного цвета, что и пыльник. Как называлось это оружие, Данила не помнил. То ли СБТ, то ли еще как. Наверно, потому и забыл, что видел его только на картинке – даже тренировочных экземпляров этого чуда в Кремле не осталось. Может, потому что прицелы со стеклом внутри не пережили двух веков борьбы людей за существование...

Из-за того же обломка появился удобный рюкзак, который стрелок ловко закинул за спину. Когда он это проделывал, на секунду откинулась пола его пыльника, и Данила смог рассмотреть на поясе незнакомца большой нож в красивом чехле ручной работы и металлический контейнер, сквозь стенки которого едва заметно изливался мягкий голубоватый свет. Хотя, возможно, это только показалось – и лысому ежу ясно, что через металл ничего светиться не может.

– Мост там? – мотнул головой на север владелец антикварного оружия.

Данила кивнул. И чего спрашивает, если и так все знает?

Через руины Форта они бежали молча, и Данила лишний раз подивился технике передвижения этого странного человека. Кремлевские разведчики так не бегали, может, потому, что больше другую тактику использовали. Налететь на лошадях, мутировавших до своих предков-фенакодусов, разнести все, что под руку попадет, – и ходу, заодно рассмотрев все, что успели. А что не успели, захваченный «язык» расскажет. Случалось, что и пластунов в разведку засылали, но в основном считалось, что красться бесполезно, потому учили этому искусству от случая к случаю – мол, все равно нео учуют или био тепловизорами нащупают. Но, с другой стороны, если передвигаться вот так, бесшумно, текуче, сливаясь с местностью, то, глядишь, и нео не додумаются морду в его сторону направить. Да и био тепловизор вряд ли активизируют, если ничего не заподозрят, – жрёт прибор больно много, причем в буквальном смысле – на одно минутное включение половина туши тура уходит.

По привычке разведчика учиться всему, чего не знаешь, Данила стал пытаться подражать перемещению стрелка в пространстве, как бы невзначай используя каждый выступ как

укрытие и каждую ложбинку как возможную позицию. Или наоборот. Вроде получилось – не зря учили с детства собственным телом манипулировать как послушной куклой.

Незнакомец не обернулся ни разу, пока продолжался этот стремительный бег, когда два тела стлались по земле, напоминая перемещение пары гигантских двуногих сколопендр. Внезапно стрелок резко остановился, укрываясь за обломком стены, и поднял руку – тихо, мол. Данила замер в полуприседе, осторожно поводя стволом автомата из стороны в сторону. По его прикидкам, до реки было уже недалеко, потому и стоило быть поосторожнее, здесь незнакомцу в чутье не откажешь.

А стрелок между тем вытащил из-за пазухи трубочку и, осторожно высунув над стеной один ее конец, притянул к окуляру на другом. Кажется, это называлось «перископ». Хотя нет, «перископы» были на лодках, что умели плавать под водой. Эх, много чего полезного было у предков! Хммм, а тогда этот мужик кто и откуда, с такими-то способностями и снаряжением? Любопытство разбирало Данилу – сил нет, но сейчас не до расспросов. Интересно, что задумал этот пришелец ни пойми откуда со своей фузей с названием из трех позабытых букв? Может, рассмотри, что на мосту делается, и передумает таскаться там, где люди не ходят?

В Большой Москворецкий еще в Последнюю Войну угодил то ли снаряд, то ли бомба. Дыру в центральном пролете тот заряд проделал знатную, но быки устояли, и по мосту до сих пор вполне можно было ходить без опаски. Причем не только людям. Боевого тактического биоробота серии В «Chinook B12» он также выдерживал без проблем.

Эта бронированная хрень с живыми мозгами неделю назад намертво встала посреди моста как раз в том самом узком месте, рядом с дырой, создавшей из железобетонной переправы сорокаметровой ширины древнегреческий Фермопильский проход на пути в Замоскворечье. Шириной метров в десять, не более.

«Чинуку» ширины его корпуса для полного счастья не хватало. Так он недолго думая соорудил баррикаду, притащив откуда-то убитую временем и коррозией башню от танка Т-80 без пушки и укрепив ее посреди моста кучей другого, менее габаритного мусора. В общем, в Замоскворечье теперь пути нет никому, хотя людям там особо делать и нечего.

С одной стороны, долбануть бы по био из пушки, как раз на Москворецкой башне есть французское орудие девятнадцатого века подходящего калибра, даже если не в башню биороботу ядро попадет, со ста метров точно его в реку снесет. А там есть все шансы, что машина пару манипуляторов поломает и выйдет из строя хоть на время, пока ее пристяжь не восстановит.

Но попадешь – не попадешь еще вопрос. Хоть ориентиры и пристреляны давно, орудию как-никак четыреста лет, и ядром в движущуюся мишень из него попасть очень непросто. Тем более что хитрая мишень почти постоянно сидит за своей баррикадой. И еще – а вдруг промахнешься и в мост попадешь, который и так на ладан дышит? А пороху драгоценного на каждый выстрел сколько уходит? В общем, пока био на мосту сидит и людей не трогает – пусть себе сидит, а порох побережем для картечи, когда нео на стены полезет...

Снарядов для наплечных пушек у «Чинука», понятное дело, не было уже лет двести, но он упорно таскал их на себе, не иначе как для форсу. Но вот с метательными дисками тварь управлялась ловко. Раз наблюдали с полуразрушенной Москворецкой башни, как био на словах и на значительном расстоянии повздорил с каким-то здоровяком-нео, видать спяну выбравшимся из тумана. Нео, похоже, решил подразнить боевую машину, ревел что-то, лапами махал, по заду себя хлопал. Робот сначала внимания не обращал, но потом один из его манипуляторов совершил неувловимое движение – и голова упряма покатила по площади, а его тело сноровисто притащил хозяину один из роботов, называемых в Кремле «пристяжь».

Пристяжь была тоже био, но поменьше, типа денщика при боярине. Паук на тонких, но мощных ногах плюс челюсти впереди, каждая с человечесью руку длиной. Удобно очень такими челюстями диск брошенный или дрот поднести, тушу приволочь или дерьмо хозяйское отгрести в сторону и сбросить в реку, чтоб не воняло, – «Чинуки» двенадцатой модели – твари аккуратные и чистоплотные, потому и дожили до сего дня. Для них царापина на броне – трагедия, случись такое, сразу бегут в безопасное место и орут омерзительно, призывая пристяжь со свежими заклепками. Но в то же время, если найдет место для кормежки – пиши пропало. Засядет как жук-медведь в норе, и хрен его оттуда выковыришь – даже ценой серьезных дырок в шкуре готов бороться за своё.

Так что шансов у стрелка было ноль. Понятно, что робота определили на мост не просто так, тактический ход, можно сказать, со стороны нео, – перегородить кремлевским путь к возможному отступлению в Замоскворечье. В общем, ход верный – Большой Каменный мост был давно разрушен, а через Москву-реку и Неглинку не перебраться ни кремлевским, ни нео, хотя мутанты все-таки вели наблюдение со стороны западной и южной стены Кремля – чисто на всякий случай. В общем, осада каменного мешка по всем правилам.

Но в то же время биоробот сидел на мосту не из идейных соображений, а как минимум за обильную еду. И после того случая с пьяным нео если почуявший безнаказанность «Чинук» видел, что кто-то идет по мосту как минимум без турьей ноги, сразу срезал диском метров за сорок до баррикады, а потом лакомился телом незадачливого путешественника. Того же, кто был в курсе, на том же расстоянии обступала пристяжь. Один забирал мясо и нес хозяину, остальные караулили ходока. Проверив плату за службу на качество, «Чинук» или милостиво отпускал носильщика-нео, или же, если тому требовалось перейти через мост, лязгая гусеницами, сдвигал с места свою многотонную тушу и честно пропускал разумного клиента, несмотря на протестующие вопли туповатой пристяжи с ограниченными функциями встроенного мозга.

У Данилы с незнакомцем мяса не было. А другой дани био не принимал – жратвы ему вместе с пристяжью на день надо было о-го-го сколько. Разве что несколько нео отстрелить, пока они в тумане бродят, беглеца ищут? Но тогда не было ни малейшего шанса уйти по открытому и свободному от развалин участку Васильевского спуска с телами убитых мутантов на плечах. Просто не успеть, догонят как пить дать, к гадалке не ходи.

– Это что за хреновина? – наконец спросил незнакомец.

Данила рискнул приподняться и выглянуть за стену. Ну да, так и есть, стрелок «Чинука» рассматривал целых полторы минуты. Еще не хватало, чтобы их нео догнали с такими-то перерывами в забеге. Он что, «Чинука» первый раз видит? Тоже мне, диковина. Или, может, он про пристяжь спрашивает? Не всякий био серии В всех своих вспомогательных роботов сохранить смог. Хотя те, кто не сумел хоть одного сберечь, давно с голоду подошли...

– Биоробот, – буркнул Данила. Времени рассусоливать не было, а что задумал незнакомец, было до сих пор непонятно. Сзади нео вот-вот появятся, спереди био, справа Кремль, слева, за развалинами Форты, – армия осаждающих. Куда ни кинь, везде труба, а он тут очевидным интересуется...

– Био – это значит с живыми мозгами? – уточнил стрелок.

– Вроде того, – согласился Данила, все больше тоскуя. Похоже, невесть откуда свалившийся спаситель все-таки прогулялся по Полю Смерти. Сегодня мозги спеклись наполовину, завтра вторая половина через нос и уши потечет вместе с расплавившимися лицевыми хрящами. Причем сомнений больше не было. Ну как иначе объяснить, что человек в здравом уме будет целиться из фузеи в боевого биоробота? Вот вскинул плавным движением свою длинностволку, колпачок с трубки откинул. Ну-ну, давай, вперед. Ту тварь из двадцатичетырехфунтовой пушки не пробить, а тут – фузея...

Отрывисто твякнул выстрел, и Данила невольно поежился – так и нарисовалось в голове, как где-то в тумане вытянули морды в их сторону рыскающие нео. А значит, времени у них...

– Быстрее, чего встал?

Ничего не понимая, Данила чисто по инерции рванул за сорвавшимся с места незнакомцем. Перемахнул ненадежное укрытие, оцетинившееся кривыми зубьями рыжей от ржавчины арматуры – и на бегу, рискуя зарыться носом в траву, тряхнул головой и сморгнул, с силой смыкая веки.

Не помогло. Морок не исчез. Все так же нелепо, словно пьяный, дергался на мосту «Чинук», бестолково и бессистемно вращая гусеницами, – того и гляди в воду свалится.

Вот одна из гусениц наехала на паукообразного робота, вместе с остальными бестолково суetyащегося около хозяина, – и до Данилы донесся слабый треск, словно там, на мосту, раздавили большой орех. Остальная пристяжь порскнула в стороны и замерла в отдалении.

Капли пота повисли на бровях и ресницах. Дыхалки пока хватало, но Данила понимал – это ненадолго при такой сумасшедшей скорости бега. Непонятно, что повредил биороботу своим выстрелом стрелок, но если «Чинук» перестанет танцевать, словно поддатый пахарь на Ивана Купалу, то несутся они прямо в лапы неминуемой смерти. Вон и пристяжь насторожилась и повернула в их сторону свои стальные челюсти. Конечно, от одного еще, наверно, можно отпинаться, но от трех – вряд ли получится.

Тем временем, не снижая скорости, незнакомец вытащил из-за пазухи что-то, смахивающее на незрелое яблоко, и, куснув его на бегу, бросил в сторону баррикады. После чего грохнулся на землю и даже проехался с полметра на брюхе по инерции:

– Ложись, дурень!

Данила, инстинктивно повинувшись приказу, рухнул следом, чуть не воткнувшись носом в каблук стрелка, подкованный медными гвоздиками. И только, одумавшись, хотел спросить, с какой это радости они разлеглись посреди площади, как на баррикаде ахнуло.

Данила порадовался, что рот открыл – рвануло неслабо. И огнем занялось. Не иначе био какой-то взрывчатки где-то нарыл или сам смастерил – вряд ли от бомбы незнакомца так шарахнуть могло. То, что это бомба была, теперь уже догадаться было нетрудно. Из тех, что тоже только на плакатах остались, у которых не надо фитиль поджигать, перед тем как бросить. Да и меньше они были чуть не втрое тех самодельных, что использовали в Кремле... Только откуда это все у парня с фузеей, от которой «Чинук»...

Додумать мысль не получилось. Не думается как-то, когда своими глазами видишь, как бронированная живая машина медленно, очень медленно заваливается влево и, бестолково вращая гусеницей в воздухе, соскальзывает с края моста. А вслед за ней прыгает, перебирая ногами в воздухе, последняя оставшаяся в живых верная пристяжь...

– Быстрее!

Да и зачем думать, когда есть командир, который все знает и умеет лучше тебя? Как-то сразу улетучились сомнения, и незнакомец в мысленной табели о рангах вознесся на одну ступеньку с воеводой, которого надо слушать, когда он говорит, а в бою особенно!

Разведчик вскочил и побежал. Мимо пылающей баррикады, мимо разбросанных взрывом обломков биороботов, мимо огромной дыры в бетоне моста... И все дальше и дальше от Кремля, в котором родился и вырос, в котором осталась Радомира...

Удивительно – последняя мысль кольнула, словно шилом в сердце засадили. Против воли Данила обернулся. Дурная примета, но все-таки, кто знает, когда еще увидит он эти красные стены в следах копоты и глубоких выбоинах, оставленных вражьем оружием. Хоть и изгой он теперь, а все же свое, родное, как ни крути...

Взгляд задержался на боевой площадке Москворецкой башни – почудилось, будто мелькнула на ней фигурка с русой косой до пояса, – и соскользнул вправо.

Так и есть.

Из ключьев тумана вырвались шесть или семь нео, бегущих по волчьим, на четырех лапах. У того, что неся впереди, в зубах был зажат окровавленный меч Данилы.

«Трупы нашли. Теперь точно не отстанут», – пронеслось в голове. За сородичей нео мстили страшно, до тех пор пока не умирал обидчик или не погибал последний из рода. Потому остальные мутанты с ними и не связывались, предпочитая охотиться подальше от угодий человекообразных.

– Сзади! – прохрипел Данила.

– Знаю.

Голос стрелка тоже был изрядно подсажен безумным бегом. Особенно если учитывать вес его фузеи, вещмешка, пыльника и остальной снаряды. Хотя все вместе не тяжелее кольчуги, подкольчужника, наручей и поножей, что были на Даниле. Оно, конечно, не тяжелая броня латника, что надевалась при возможности штурма мутантами стен Кремля, но тоже не пух лебяжий. Пух лебяжий... Хорошее слово, старинное. Интересно, остались ли еще где белые лебеди, которых для детишек в старых книгах рисовали? Или брехня все это про древность без войн, мутантов и боевых роботов, чтоб оставалась у людей вера и надежда на что-то лучшее?

Интересно, почему вот такие мысли не к месту лезут в голову перед дракой? Может, привычная реакция организма, мол, во время драки думать о драке вредно, тело хорошего бойца само работает быстрее и лучше без лишних раздумий, на рефлексках.

Вот и у Данилы рефлексы сработали...

«Вал» шмякнулся на поросшее травой покрытие моста, недовольно звякнув об остатки асфальта, а в руке словно сам собой оказался боевой нож. Когда отступать некуда, надо бежать туда, где врагу будет труднее нападать. Вот и рванул Данила обратно, к самому узкому месту моста, туда, где еще дымилась наваленная «Чинуком» и разваленная взрывом баррикада.

Сзади одиноко твякнул выстрел – и бегущий впереди всей стаи нео споткнулся и пропахал дорогу остатками нижней челюсти – Данила четко видел, как ее правая половина взорвалась выбитыми зубами и костяной крошкой, а меч вывалился из разорванной пасти. Еще выстрел – и крайний справа мутант, взбив тучу пыли, пошел юзом, словно детская игрушка «волчок», получившая пинок от своего малолетнего хозяина.

Теперь Данила ясно видел – нео осталось пятеро. Седой Кер бежал позади всех, сильно отставая и припадая на заднюю лапу. Выстрелов сзади больше не слышать. Очень плохо. Пятеро нео в рукопашном бою – верная смерть. Хорошо бы, чтоб стрелок подсобил, но, с другой стороны, он в вечные спасители незадачливых разведчиков не записывался. Пора отдавать долг.

Данила оскалил зубы, мысленно сам превращаясь в медведя. Сто метров до ближайшего мутанта... восемьдесят... пятьдесят...

Клич-рев сам родился в груди Данилы.

– Уррррррр!!!..

Первого нео он принял грудь в грудь, у самого края моста, так, чтоб остальным было не развернуться. Удар, хрип, брызги слюней в лицо друг другу, чужая шерсть в нос, глаза, рот – и хруст разрываемой плоти, в которую удар за ударом вонзается клинок ножа...

Своей боли не было. Была лишь тяжелая звериная вонь, замешанная на теплом запахе свежей крови. Если что, боль придет потом. Сейчас ратник и зверь были одним организмом, сросшимся в невероятном напряжении и рвущим самого себя...

Удар ножом «на контур», куда попал – все равно... обратно не выдернуть, не иначе клинок застрял в кости... разверстая пасть перед лицом... левым локтем по ней со всей дури, хруст кости – своей ли, чужой – не понять... скрежет когтей по плечу, звук лопающихся

колец кольчуги... теплое потекло по боку... наплевать, ннна, сука!.. нож удалось выдернуть – снова его туда же, и еще, и еще, на манер ручной швейной машинки тетки Клавы, лишь бы пробивало шкуру твари и не путалось гардой в шерсти. Лишь бы рука не соскользнула по рукояти, теплой от крови, остальное неважно...

Краем уха Данила слышал какой-то грохот и нечеловеческий вой, но все это было далеко, слишком далеко. Потому что ближе вот этой хрипящей твари сейчас не было никого, что в прямом, что в переносном смысле. Враг, с которым ты мешаешь кровь в рукопашной, мог бы стать твоим кровным братом. Если бы не был врагом. Потому немного грустно, когда умирает достойный враг...

Данила выдернул нож – и остановился, осознавая, что зверь, с которым он боролся, медленно падает навзничь. Разведчик лишь успел отшатнуться и стряхнуть с плеч тяжелые лапы. Когти нео последний раз скребанули по остаткам кольчуги, и тело мутанта мягко шлепнулось на обгоревшую траву.

Над ухом снова грохнуло, на этот раз громко, словно из пушки пальнули. И огнем полыхнуло так, что на мгновение Данила потерял способность видеть что-либо, кроме языка пламени, отпечатавшегося на сетчатке. Дурацкое состояние, особенно в бою.

Для того чтобы прийти в себя, Данила кувырнулся в сторону и больно ударился боком и головой об остатки каменных перил. Звезды в глазах прогнали огненный сноп, и зрение частично вернулось.

Вполоборота к нему стоял незнакомец, с сожалением качая в руке здоровенный пистоль. Разведчик поднялся, слегка застонав при этом, – нео, похоже, порядком помял плечо, вон оторванный клочок кольчуги сбоку свешивается. Потери посчитаем потом, главное – враги...

Но врагов больше не было. Убитый Данилой мутант валялся в луже собственной крови. Еще один дергался в агонии у ног стрелка. Третий валялся чуть подальше и на его голову смотреть не хотелось – каша, перемешанная с мозгами. Четвертого видно не было – не иначе снесло в пролом последним выстрелом. А вдали мелькало грязно-белое пятно – это со всех ног улепetyивал мудрый Кер, причем улепetyивал очень быстро – не иначе страх колдовским образом излечил престарелого нео от хромоты.

– И охота тебе все время кувыркаться? – сказал незнакомец, после чего вздохнул и бросил в пролом пистолет. Снизу из-под моста раздалось отчетливое «бульк!».

– Не жаль пистоля-то? – вместо ответа спросил Данила. – Знатное оружие.

– Знатное-то знатное, только патронов к нему больше нет, – ответил стрелок. – И тяжелые эти «Пустынные орлы», сил нет.

– А зачем носил тогда, если тяжелый? – удивился разведчик.

– В карты выиграл, – пояснил незнакомец. – И выбросить жалко, и таскать влом. Хорошо, хоть сейчас пригодился.

– Да уж, неплохо, – сказал Данила – и скрипнул зубами. Рванул его мутант неслабо, это было ясно по накатившей боли, которую перестал глушить адреналин, и по теплой, прилипшей к телу рубашке. Но заниматься ранами было некогда. Ясное дело – уходить надо, пока на грохот выстрелов и пламя пожара не сбежались остальные мутанты. Да и мудрый Кер, поди, не случайно столь резво ушел в туман, сейчас, поди, строит из себя героя перед соплеменниками, горя праведной жаждой мщения.

Похоже, стрелок думал о том же.

– Рванули, – бросил он. И, скользнув взглядом по плечу Данилы, осведомился: – Помочь?

– Я сам, – выдохнул ратник, рывком поднимаясь на ноги. Потому как если по-другому, медленно, сберегая рану от случайной боли, то можно и вообще не подняться – тело, не

желая терпеть запредельную боль, может погасить сознание. А так, сжав зубы и собрав волю в кулак, завсегда лучше.

Данила качнулся, но устоял.

– С мечом тебе опять не повезло, – сказал незнакомец, правильно поняв взгляд Данилы, явно собирающегося бежать к трупам мутанта, умершего от первой пули. – Его тот старикан с собой утащил. Шустрый, зараза, – сил нет. Так что давай за мной...

Данила бежал, четко сфокусировав взгляд на широкой спине в серо-зеленом пыльнике, полы которого были испачканы свежей кровью. Как и ботинки, каблуки которых некоторое время оставляли на мосту темные отчетливые следы.

Порой перед носом разведчика начинали мелькать две спины, на которых словно параллельные рельсы устроились фузеи – длинная с трубкой-прицелом и та, которую бросил Данила...

Разведчику стало стыдно, даже две спины незнакомца вновь слились в одну от всплеска крови, прихлынувшей к щекам. Если б он тогда стрельнул и убил мутанта, глядишь, и драться бы с ним не пришлось врукопашную. А так своей свалкой прицел стрелку заслонил, и ему, чтоб не попасть в Данилу, пришлось в сторону смещаться. К тому времени другие неонабежали, вот и пришлось ему, теряя секунды, расстреливать их из пистоля. Ох, стыдоба-то какая...

Мост почти кончился, слева маячили развалины какого-то строения, обвитого побегами хищного дикого вьюна. Правда, человеку вьюн не опасен, его цветы охотятся только на насекомых. А если принести вьюну жирного жука или освежеванную стальную сколопендру, то он может дать каплю сока, от которой сутки не хочется ни есть, ни пить, а жизненной силы – море. Правда, может и не дать, потому лишний раз лучше не напрягаться.

– Растение безопасное? – на бегу указал на вьюн незнакомец.

– Да, – выдохнул Данила.

– Давай туда, – резко бросил стрелок, скидывая с плеча длинную фузею.

Разведчик подчинился беспрекословно. Все понятно, старший прикрывает отход раненого, и здесь кочевряжиться не стоит. Незнакомец хорошо разбирался в военной науке и потому, не снижая темпа бега, ввалился в зелено-сизую стену вьюна как кабан в заросли крапивы.

На лицо осыпалась труха, состоящая из хитиновых панцирей насекомых, высосанных растением. Но это мелочи, главное – упасть и желательно больше не подниматься. Кровопотеря оказалась серьезнее, чем он думал, и организм настоятельно требовал отдыха и перевязки.

Раздвинув здоровой рукой естественную природную занавеску, Данила попал в довольно прилично сохранившуюся комнату первого этажа, судя по остаткам костра, мусору и кучкам засохшего дерьма, знакомую многим путникам. Некоторые из которых оскотинились настолько, что гадили там, где спали. Не иначе неонастарались, люди обычно не испражняются там, где едят. Хотя люди тоже бывают разные...

Но выбирать не приходилось, тем более что последний раз здесь ночевали довольно давно и вонь уже успела выветриться. Сейчас бы лечь где почище – и гори оно всё синим пламенем...

Однако долг воина был превыше желаний тела. Сейчас, пока старший обзревает окрестности через свои трубки, надо собрать побеги сдохшего вьюна и развести костер.

Это оказалось несложно – сухих стеблей вокруг было предостаточно. Из десятка другого получился веник, которым Данила быстро подмел небольшую площадку, хотя при наклоне вперед перед глазами плясали красные пятна. Но не уподобляться же мутантам, которые где присели, там и привал.

Из тех же сухих побегов получилась основа для костра. Данила чиркнул огнивом – и веселый огонек заплясал на лепестках сухого цветка. Разведчик раздул огонь, после чего с чувством выполненного долга прислонился к стене, дыша тяжело, словно бревна таскал. В желудке образовался тошнотворный ком – нормальная реакция после ранения. Теперь отдышаться немного, пока тошнота пройдет, и можно кольчугу снять, посмотреть, что там с плечом...

– К кострупустишь?

Данила обернулся. Силен, ох, силен незнакомец в воинской науке! Зашел в комнату с другой стороны, а как зашел – не понять. И стоит за спиной, хотя ожидался с противоположной. Разведчик, как учили, расположился лицом ко входу – а вот поди ж ты!

– Там дыра в стене, – пояснил стрелок. – Я типа заодно запасной выход проверил. Такпустишь к костру?

– Садись, зачем спрашиваешь?

– Положено, – буркнул незнакомец. После чего обошел костер и присел напротив.

Языки пламени осветили усталое лицо, поросшее двухдневной щетиной. Обычный парень, слегка скуласт, волевой подбородок. Такие нравятся бабам. Если б глаза были чуть помягче, отбою от слабого пола точно бы не было. А так не глаза, а прицелы. И нос меж ними, перебитый неоднократно и оттого слегка кривой, если присмотреться, – хотя у кого из настоящих воинов он целый, покажите такого? Так что говорить о том, кто способен вывести из строя боевого робота более чем за полкилометра, – вот уж у кого прошлое было, наверно, сплошь одни битвы...

Кстати, а как он это сделал? Данила и спросил.

– Щель у него в наблюдательной башенке, бронестеклом защищенная, – пояснил стрелок. – А за ней то ли видеокамера, то ли глаза, непонятно. Да и не суть важно. Заряжаешь бронебойную пулю – и вперед.

– Так далеко ж! – не выдержал Данила.

– Снайпер, который с восьмиста метров из СВД не попадает между глаз врага, это не снайпер, а ученик снайпера.

Снайпер... Слово какое-то незнакомое, не наше, похоже. Или устаревшее. А винтовка точно, СВД называется.

– Снайпер – это твоё имя? – на всякий случай спросил Данила. И угадал.

– Можно и так сказать, – едва заметно усмехнулся стрелок. – Только сейчас давай-ка лучше твоим плечом займемся.

Сняв с плеч и осторожно положив рядом с собой обе фузеи, Снайпер освободился от рюкзака, из которого достал красную квадратную сумочку с белым крестом и надписью «Swiss doctor». Как он ее открыл, Данила так и не понял – просто за торчащий сбоку язычок потянул, вжик – и сумка распалась на две половинки. Внутри нее оказались компактно сложенные бинты, таблетки и еще что-то по мелочи для оказания первой помощи больным и увечным.

– Давай помогу латы снять, – сказал Снайпер.

– Это кольчуга! – возмутился Данила. Уж с такой-то сноровкой должен воин кольчугу от лат отличать! Если не издевается, конечно.

Но в глазах Снайпера издевки не было. В них вообще ничего не было, словно у этого человека вынули душу, а тело почему-то осталось жить.

– Это ты, суслик? Я не суслик, я барсук! Это все равно, – бормотал он себе под нос, стаскивая с разведчика железную рубаху.

– Ты о чем? – подозрительно спросил Данила.

– Не обращай внимания, это из мультика.

– Из чего?

– Из ничего, проехали. Не дергайся, а то обрывками кольчуги еще сильнее рану раздеру. Стащив с Данилы бронь, Снайпер остальное снимать не стал, просто ловко распорол ножом подкольчужник вместе с исподней рубахой – и присвистнул слегка.

– Плохо? – спросил Данила. Хотя и без того знал, что нехорошо.

– Могло быть и лучше. Но и хуже могло, – философски заметил Снайпер. – Средняя дельта до кости распорота, правда, вдоль волокон, что радует. Но, думаю, в ближайшее время чесать затылок левой рукой не получится. Что на этот счет говорит местная народная медицина? Идеи есть?

Идей не было. Регенерон и пластырь были потрачены на крысособаку. Но того не жаль, что сделано – то сделано, и прошлого не вернуть. В аптечке оставался лишь обезболивающий корень черной ромашки, одновременно служащий снотворным. Пожевать – а дальше утро вечера мудренее.

Тем временем Снайпер покопался в своей аптечке, достал салфетки, кривую иглу, нить в пакетике и еще один зеленый пакет, не иначе с пластырем. Разложил все это прямо на аптечке, после чего достал из вещмешка флягу и, отвинтив крышку, протянул разведчику:

– Хлебни, легче будет.

– Это что? – принялся Данила.

– Анестезия, дезинфекция внутренняя и внешняя, радиопротектор – дальше продолжать?

– Не надо, – вздохнул Данила, недолюбливающий ни брагу, ни медовуху. Но сейчас хочешь не хочешь, а надо. Шитье по-живому перетерпеть можно и без хмельного. Но коль оно есть, то сегодня уж точно отказываться не стоит, пока замученный сегодняшним днем организм не вырубился как мотор у перегревшегося биоробота.

Огненный поток ожег пищевод. Данила поперхнулся, закашлялся и выпучил глаза. Ничего себе медовуха у Снайпера!

– Спирт, – пояснил тот, забирая флягу. – Судя по реакции, спирта у вас тоже нет.

– Спирт... есть, – прохрипел Данила. – Но мало... и он... не для питья...

– Хреново, когда не для питья, – сказал Снайпер, плеснув из фляги себе на руки и на шовный материал. – И что у вас вообще есть, в Кремле вашем?

Данила продышался – и рассказал все. Есть ли смысл таиться перед человеком, который, считай, дважды тебе жизнь спас, а сейчас зашивает разорванное плечо?

– Ясно, – кивнул Снайпер, выслушав рассказ. – И что, у вас там все такие как ты, прыгучие богатыри поперек себя шире?

Данила удивленно осмотрел себя. Свой рост и вес он всегда считал средними, были в разведке реально богатыри, практически не уступающие ни силой, ни ростом. Это пахари да мастеровые в основном на Снайпера телосложением похожи... О чем и сказал. Но Снайпер уже думал о другом, уставившись в костер, словно хотел рассмотреть что-то в языках пламени.

– И что, вокруг вас вообще больше людей нет? – спросил он наконец после недолгой паузы.

– Не знаю, – сказал разведчик. – Из дальних разведрейдов люди не возвращаются, потому мы их давно прекратили. А вблизи Кремля людей не видели уже лет сто. Раньше, говорят, приходили убогие, в Полях Смерти покалеченные, но им ворота не открывали, гнали.

– Правильно, – кивнул Снайпер. – Здоровые члены общества берегли себя от заразы.

Что-то в его голосе Даниле не понравилось.

– А что ты бы сделал? – вступился он за предков. – Впустить облученного, от которого дозиметры зашкаливали? Чтобы потом все остальные перемерли?

– Не знаю, – сказал Снайпер. – Вопрос тонкий, не мне судить.

– И ты сам-то откуда такой взялся? – продолжал Данила, слегка заведясь то ли от выпитого спирта, то ли от темы разговора.

– С Украины, если тебя это так интересует. А какой «такой»?

Что такое «Украина», Данила не знал. Поэтому, чтобы не выглядеть блаженным в чужих глазах и не переспрашивать ответ на каждый вопрос, просто добавил:

– Ну, весь из себя стрелок шибко меткий, в экипировке, со старым оружием, для которого патронов немерено...¹

Снайпер усмехнулся:

– Что ж, второй номер, ты имеешь право знать. Хотя, думаю, это знание ничего тебе не даст.

– Посмотрим, – буркнул Данила, скрипнув зубами.

Шил Снайпер мастерски, это чувствовалось, но при этом особо не миндальничая с раненым. А после темы с предками вообще взялся класть швы, словно валенок штопал.

– Начнем с того, что однажды один умный человек объяснил мне устройство мира. Вернее, миров, один из которых, согласно закону симметрии, есть практически точное отражение другого. Но в то же время в каждом из миров имелись незначительные отличия, которые создавали сами люди. Сам понимаешь, поколебать устройство мира достаточно сложно, море энергии требуется. Но предкам это удалось – с помощью ядерных взрывов. И сегодня в моем мире значительная область Украины представляет собой то, во что превратился сейчас твой мир – выжженную радиацией пустыню с жуткими мутировавшими жизненными формами, приспособившимися существовать в той пустыне.

– А другая часть? – спросил Данила, на некоторое время забывший о боли. «В моем мире»? Что это значит? Но об этом потом, когда Снайпер договорит. Судя по его характеру, может просто послать куда подальше и закрыться, как раковина живоглота.

– С другой частью пока все нормально – если, конечно, считать нормой отсутствие ядерной войны. В твоем же мире, как я понимаю, в прошлом произошло непоправимое. Да так произошло, что вы тут, похоже, погибаетесь понемногу.

Данила вздохнул. Прав Снайпер, ничего не попишешь. Бабы рожают намного реже, чем даже десять лет назад. А осады мутантов и попытки штурма Кремля происходят все чаще. И каждый бой – это потери...

– Ну а ты-то как сюда попал? – рискнул перебить собеседника разведчик, лишь бы уйти от темы, страшной для каждого жителя Кремля.

– Просто перешел, – сказал Снайпер. – Черное пятно на полу видел? Ну, типа след перехода. Вспышка энергии, сжигающей все вокруг метра на два в вашем мире. В моем же просто дыра в пространстве образуется. Входишь в нее – выходишь у вас.

– Ты колдун? – вполне серьезно спросил Данила. Колдуны были такой же сказкой для детей, как и кио, но кто его знает...

– Не думаю, – покачал головой Снайпер. – Было дело, попала мне в руки одна штука-вина, посредством которой можно путешествовать между обоими мирами как в пространстве, так и во времени. А один... хмм... человек объяснил, что она такое и как ей пользоваться.

...«Просто перешел». Из одного мира в другой. В голове такое не укладывалось, но было ясно – не наш он, этот стрелок с двумя древними фузеями. Вообще не наш. И на наши проблемы ему, скорее всего, наплевать с развалин колокольни Ивана Великого. Но на всякий случай Данила уточнил:

¹ О приключениях Снайпера до описываемых событий можно прочитать в моем романе «Закон Снайпера». Хотя это необязательно – «Закон Снайпера» и «Кремль 2222» вполне читаются как отдельные книги, не связанные между собой (прим. автора).

– И что ты тогда у нас забыл? Зачем перешел?

– По делу.

Снайпер затянул последний узелок, полюбовался делом рук своих, после чего неожиданно плеснул на рану из фляги. Данила охнул, правая рука рефлекторно рванулась к плечу.

– Не лапай, заразу занесешь, – сказал путешественник между мирами, железными пальцами перехватив запястье разведчика. – Сейчас салфетку, ускоряющую заживление, прилеплю – и через пару дней можешь делать левой рукой все, что захочется. Только швы на следующей неделе снять не забудь.

– Не забуду, – проворчал разведчик. Настроение Снайпер испортил капитально, хотя вроде ничего такого не сказал. Просто лишний раз напомнил, что человечество вымирает, и скоро, может, через поколение, от него даже костей не останется. А может и раньше, если правда то, что нео не только с шамами, но и с био сговорились и готовят общий штурм. Тогда точно раньше, и намного.

– Ну и ладушки, – сказал стрелок, складывая в свою сумку медицинские принадлежности. – Тогда бери иглу, штопай рубаху. У кольчуги все равно рукав почти оторван, чинить без толку. Как и у подкольчужника, кстати. Но это, наверно, и к лучшему – сейчас отдеру те рукава до конца и железо на рану давить не будет.

Процедура отрывания рукавов, разорванных нео, штопки рубахи и одевания Данилы заняла не более десяти минут.

– Ну все. Теперь ужин – и отбой, – сказал Снайпер.

Из рюкзака он извлек небольшую сковороду с четырьмя складными опорами, приделанными ко дну, три большие консервы и еще одну флягу.

– Стакан есть?

Данила не ответил, лишь вытащил из кошелька на поясе блямбу – как только нео не позадились? – и встряхнул.

– Нормально, – одобрил Снайпер появление раскладной посуды. – Пока у славянина есть свой личный стакан, он непобедим.

В одной банке оказался консервированный хлеб, в двух других – тушенка с кашей. Содержимое двух последних банок Снайпер вывалил в сковороду и ловко приладил ее над костром. После чего достал из кармана такую же блямбу, как у Данилы, и встряхнул аналогичным движением.

– Вот оно, общее для славян всех миров, – подмигнул он разведчику и слегка улыбнулся краем рта. – Хорош дуться, подставляй посуду.

Данила подставил. Вторая порция спирта наполнила стакан до половины. Не много ли на сегодня будет?

– Ну давай, за знакомство, – сказал Снайпер. – Кстати, тебя как звать?

– Данилой.

– Понятно. Будем.

Они чокнулись. По второй спирт пошел легче. В голове зашумело.

– А теперь – понеслось.

В руку разведчика легла пластмассовая ложка.

– Давай, Данила, наворачивай...

Одинаковыми оказались не только стаканы. Консервы тоже были знакомы. Их выдавали в исключительных случаях, когда рейды разведки планировались более чем на двенадцать часов. Но такое бывало очень редко, потому попробовать еду, залитую воском и пролежавшую на складах с незапамятных времен, Даниле удалось лишь однажды. Вкус запомнился на всю жизнь – наверно, потому, что мясо туров было безвкусным. И хотя есть хотелось нереально, разведчик все-таки оторвался от банки, чтобы сказать:

– Ты так и не договорил, зачем пришел в наш мир.

Снайпер замер на мгновение, не донеся ложку до рта. Потом все-таки завершил движение, обстоятельно прожевал тушенку, воткнул ложку в недоеденное содержимое банки, поставил ее на траву и внимательно посмотрел на Данилу:

– Что ж, парень, ты сам напросился. К тому же ты имеешь право знать. В ваш мир такие, как я, ходят эпизодически за едой, патронами и новыми стволами.

Разведчику не понравилось, как Снайпер выделил голосом слово «ваш». Но он не стал перебивать рассказчика. Чувствовалось, что сейчас он скажет нечто важное.

– Просто я здесь впервые. И потому при первом переходе промахнулся на пятнадцать километров расстояния и лет на пятьдесят времени. Обычно перехожие посещают этот мир, когда здесь уже нет никого – ни людей, ни нео, ни био. Только безобидные зверюшки и растения. Спокойно заходят на военные склады, берут что нужно и возвращаются в свой мир.

– То есть ты хочешь сказать...

– Ты сам просил, – пожал плечами Снайпер, снова берясь за банку. – Скорее всего, за последующие пятьдесят лет все враждебные друг другу формы жизни в вашем мире уничтожат друг друга. И на выходе получится идеальный мир без войн и насилия. Кстати, про Поля Смерти в том мире тоже никто из перехожих не говорил.

Есть расхотелось. Получается, что через пару поколений погибнут все люди на планете. И не только люди...

– Скажи, мимо Кремля те перехожие ходили?

– Угу, – кивнул Снайпер с набитым ртом. – Нет там ничего и никого в будущем. Развалины.

Не похоже, чтобы путешественник между мирами врал. Одно оружие чего стоит, какие еще нужны доказательства? Но Данила не был бы разведчиком, если бы не выяснил все досконально:

– А тебе-то зачем сюда идти понадобилось? Оружие менять? Так у тебя и так мечта, а не оружие. И патронов к нему вроде хватает.

– Тут я тебя огорчу, – хмыкнул Снайпер, выскребая ложкой дно банки. – Патронов у нас два магазина к «Валу» и полтора к СВД. К тому же раздолбаны они – мама не горюй. У СВД месяц назад канал ствола рассверлить пришлось. И патронник у нее раздут так, что гильзы после выстрела не выходят, если загодя патроны парафином не смазать. Про «Вал» я вообще молчу, он свой ресурс давно отработал, на ладан дышит. Так что по-любому путь у нас один.

– Ты ж говорил... – начал было Данила – и осекся. Ухмылка у Снайпера была словно его выстрел, била куда надо и весьма точно.

– А я тебя и не обманул, – сказал пришелец из иномирья, продолжая улыбаться лишь нижней половиной лица. Глаза его при этом оставались такими же, как и раньше, ничего не выражающими, разве что чуть усталыми. – Дойдем до места, возьмешь себе хочешь этот ствол, хочешь любой другой новый, в масле. И патронов хоть пару цинков на горб взваливай, если допрешь – все твоё.

– Да я не про автомат, – насупился разведчик. – Я вообще с тобой пошел...

– Всё, только не начинай, – отрезал Снайпер. – Идем и идем, а кто, да зачем, да почему это делает – не надо, не люблю. Договорились?

– Договорились. А про куда идем можно? – спросил Данила, решив, что ругаться со своим спасителем дело действительно недостойное. – Что там на Кантемировской за место такое?

– Резервные подземные склады Четвертой отдельной танковой бригады, ранее носившей название Кантемировской, – ответил Снайпер. – Догадываешься, почему станцию метро так называли? Правильно, поэтому. Дивизия-то в Наро-Фоминске была расквартирована. И в случае войны согласно планам командования вооруженными силами оперативно выдвигалась.

гальса на защиту южных подступов к Москве. А для поддержки боеспособности дивизии склады продовольствия и боеприпасов нужны? Нужны. Ну так вот.

Снайпер отставил пустую банку и принялся чистить свою винтовку.

Данила же не переспрашивал более, историю он знал. Четвертая отдельная танковая бригада в Последнюю Войну не дошла из Наро-Фоминска до Москвы, а на Киевском шоссе развернула танки и бронемашины. И в районе Апрелевки дала свой последний бой наступающим механизированным дивизиям противника, включавшим до пятисот единиц боевых роботов серии А.

Грандиозная битва машин продолжалась более месяца. В результате враг не прошел к столице России, а защитники города успели достроить Форт и свезти в Кремль максимально возможное количество еды, оружия и боеприпасов. И продержались до сего дня, сменяя поколения...

Данила просидел у костра прилично, вороша в памяти прошлое, настоящее и возможное будущее. Как своё, так и жителей его родного города-крепости, отторгнувших разведчика как инородное тело. Но он так не считал. Кремль по-прежнему оставался его единственной родиной, и, как дальше жить без нее, представлялось смутно. Но по-любому жизнь без хорошего оружия и продовольствия вне стен Кремля надолго не затянется, это Данила понимал прекрасно. Потому выход был один – идти вместе со Снайпером, хотя бы до тех пор, пока не представится возможность вернуть ему долг. А дальше видно будет... Но вопросы к своему новому командиру, почти закончившему собирать вычищенный «Вал», все-таки не давали покоя Даниле:

– Ну а ты-то как узнал про склады?

– Много вопросов задаешь, второй номер, – бросил Снайпер, кладя собранное оружие рядом с вычищенной до матового блеска СВД. – Как оружие чистить, запомнил?

– Ну... вроде да.

– Вроде – это уже неплохо, – одобрил Снайпер. – Далее свой автомат чистишь сам.

– Ладно.

– Вот и ладушки, – сказал Снайпер, заворачиваясь в пыльник и укладываясь у костра спиной к собеседнику. – Тогда отбой, скоро ночь на дворе.

Данила недоуменно воззрился на спину пришельца из другого мира. Интересно, а у них там посты на ночь выставлять не научены? Или жизнь настолько спокойная, что бояться некого, ходи по своей Украине как по собственному подворью?

Но, с другой стороны, подчиняться старшим Данилу учили с детства. Единожды послушался – и вон как оно получилось. И коль сейчас старший сказал «отбой», значит, так тому и быть. Тем более что от кровопотери и пережитого за сегодня глаза слипались нереально. И хотя до наступления ночи было еще прилично, разведчик привалился здоровым плечом к стене и мгновенно провалился в сон без сновидений, черный, как осеннее грозное небо над Кремлем...

Которое почти сразу взорвалось адским громом, сотрясшим стену, к которой прислонился Данила.

То, что это не во сне, разведчик понял сразу. И, еще не до конца продрав глаза, уже бежал с ножом в руке туда, где ударила то ли молния, то ли фитильная бомба... то ли граната Снайпера.

Со сна не сразу вспоминается то, что ему предшествовало. Но, когда, выбежав наружу, разведчик увидел кровавую кляксу на траве и окровавленную лохматую конечность, судорожно сжимавшую расколотую дубину, память тут же услужливо преподнесла все, что произошло недавно.

– Я так и думал.

Клок темноты над кровавой кляксой качнулся – и у него появилось лицо, жутко освещенное светом полной луны, наполовину скрытой облаками.

– Выследили по следу и хотели незаметно во сне нас передавить, – сказала лицо Снайпера, висящее в воздухе наподобие ночного светляка-пересмешника. – Не вышло.

Данила куснул себя за губу, чтобы глаза быстрее привыкали к темноте, и окинул взглядом сектор перед входом. Следопытов-нео, похоже, было двое. Хотя вот так сразу и не определишь по фрагментам тел, разбросанным вокруг.

– А теперь иди сюда, буду учить, как растяжку ставить, – сказал Снайпер, практически неразличимый в ночи благодаря черному пыльнику.

– Ты ж вроде в другой одежке был? – сказал ратник.

– Пыльник двусторонний. Вывернули наизнанку – получаем ночной вариант, – пояснил Снайпер, доставая из кармана ребристое зеленое яйцо с загогулиной. На старых плакатах оно смотрелось как-то несерьезно. А в руке Снайпера внушало уважение, стоило только подумать, что оно может сотворить с живым телом. Любое нарисованное оружие не впечатляет особо, пока не увидишь его воочию, не потрогаешь и не ощутишь кожей и потрохами скрытой в нем смертоносной силы.

– Значит, так. Растяжку можно ставить на двух уровнях – выше бедра и ниже бедра. Фиксируешь гранату скотчем, берешь леску или провод от ПТУРа, привязываешь за кольцо. Разгибаешь усики...

Данила, раскрыв рот, впитывал науку работы с оружием прошлого, вопросов не задавая. Был научен предыдущим опытом освоения воинской науки в Кремле. Высунешься с тупым вопросом не вовремя – тут же по шлему учебным мечом схлопочешь. Или по лбу, если занятия идут без шоломов. Все пояснят после. А не пояснят – интересуйся после занятия. Заодно и ясно будет инструктору, осталось что в голове или мимо ушей пролетело.

Снайпер работал ловко, любо-дорого посмотреть. Через пару минут новая растяжка была установлена.

– Следующую ты ставишь, – просто сказал Снайпер. – А сейчас досыпать.

– Так, может, я покараулю? – на всякий случай предложил Данила.

– Карауль, – кивнул Снайпер. – Только учти – к дому есть только два подхода, растяжки стоят на обоих, и, что сейчас произошло, твои друзья не поняли. Непонятное страшно, потому до утра они больше точно не сунутся. Как и другие местные хищные твари, напуганные взрывами и огнем на мосту. А рано утром у нас с тобой марш-бросок до складов, и менять тебя я не буду.

– Понял, – кивнул разведчик. Спать так спать, кто ж когда был против такого приказа? Тем более с учетом того, что, пока он после взрыва метался с ножом по комнате, Снайпер успел уже каким-то образом оказаться снаружи, причем в вывернутом наизнанку пыльнике. Надо ли с таким командиром спорить? Наверно, не стоит.

* * *

Его разбудило тихое шуршание. Данила открыл глаза, проморгался спросонья, отклеился от стены – и непроизвольно охнул. Боль в раненом плече, которое ненароком отлежал ночью, дала о себе знать довольно жестоко. А еще сильно чесалась тыльная сторона ладони, на которой воспалилась пара красных следов. Не иначе вчера в тумане какую-то растительную пакость случайно зацепил и не заметил. Или нео чем окарябал. Но это всё мелочи, главное, левая рука, несмотря на боль в плече, уже двигается почти нормально.

Снайпер сидел у костра, поджав ноги и аккуратно счищал ножом скотч с ребристой гранаты. Еще две лежали перед ним, похожие на ночных черепах, зажавших в зубах металлические кольца.

– Всего три осталось, – сообщил он, заметив, что разведчик проснулся. – То есть с боезапасом у нас негусто. Лови.

Он вытащил из кармана что-то продолговатое и бросил Даниле. Отловив брошенное здоровой рукой, парень повертел в пальцах завернутый в цветную бумагу подарок, а после поднял на Снайпера недоуменный взгляд.

– Белково-углеводный батончик, – пояснил тот. – Полдня жрать не захочется. Так что жуй поскорее и пошли. Вода во фляге, держи.

Батончик оказался сладким до приторности, слаще меда, но никак не вкуснее. И пить от него захотелось сразу же.

– Ты с водой поответственнее, – предупредил Снайпер. – По моей информации, колодец у нас на пути только один, но вполне возможно, что он только через пятьдесят лет появится.

Снайпер был прав, воду в походе лучше беречь, и Данила завинтил крышку фляги. Чего-чего, а воды в Кремле было хоть залейся, глубочайшие надежные колодцы были пробурены еще задолго до Последней Войны и до сего дня работали исправно. Но то в Кремле. Теперь о нем можно забыть и привыкать к новой жизни.

– Теперь смотри сюда и запоминай, – сказал Снайпер, берясь за «Вал». – Еще раз оружие бросишь – расходимся. Мне второй номер нужен, чтоб меня прикрывал, пока я по целям работаю, а не грудью на амбразуру бросался. Ясно?

Данила кивнул, чуть не сгорая от стыда.

– Далее. С огнестрелом дело имел? Только честно:

– «Вал» только в руках держать доводилось, – буркнул Данила. – Но из фузеи стрелял не хуже других. И из пистоля с десяти шагов в туза попадал.

– Десять из десяти? – слегка удивился Снайпер.

– Два из трех, – выдавил из себя признание Данила. – Порох недешев, потому мы больше метательным ножам доверяем. Но пару раз в неделю стрельбы в разведке обязательны.

– А ты, значит, разведчик.

– Разведчик! – набычился Данила. – А что?

– Ничего, – пожал плечами Снайпер. – Лет тебе сколько, разведчик?

Издевки в голосе командира Данила не нашел и потому ответил солидно, как подобает настоящему мужчине, три года назад ставшему Воином.

– Годов хватает. Девятнадцать.

– Изрядно, – кивнул Снайпер, протягивая разведчику оружие. – Ну, коль стрельбы были дважды в неделю и «Вал» в руках держал, на, пробуй. На дереве яблоко видишь?

Данила сквозь просвет в стеблях выюна посмотрел в ту сторону, куда указывал Снайпер.

На другой стороне раздолбанного асфальтового тракта было болото, в которое много лет назад съехало здание, похожее на наверхие тяжелой булавы. Сейчас из просветов его окон высывались болотные яблони, увешанные ядовитыми плодами величиной с два кулака. С виду красивые, красные, аппетитные, сами в рот просятся. А куснешь – и тут же у дерева ляжешь. Голова все соображает, а ни рукой, ни ногой пошевелить не сможешь. Так и будешь лежать чуркой, чувствуя, как проникают под кожу и сосут кровь ядовитые корни страшного дерева.

– Отсюда попадешь?

Вместо ответа разведчик встал на одно колено и вскинул «Вал».

– Предохранитель выключи, – напомнил Снайпер.

Данила закусил губу. И почему он все больше чувствует себя не разведчиком, способным на то, что недоступно многим, а учеником, постигающим азы, причем учеником не из лучших?

Поперечная кнопка позади спускового крючка? Вроде она...

– Это переводчик режимов огня, – сказал Снайпер. – Еще варианты?

Убрав ладонь с рукояти, Данила перевел вниз рычажок и передернул затвор. Сейчас вроде точно все правильно сделал. А теперь...

Раздалось отчетливое «пшик!» и достаточно звучный лязг затвора. Автомат, словно живой, дернулся в руке. Мимо...

– Чуть выше возьми, – посоветовал Снайпер. – Начальная скорость пули небольшая, соответственно имеет место быть существенная крутизна траектории ее полета. Делай выводы.

Данила прицелился в невидимый отсюда длинный черенок, на котором висела цель, и плавно нажал на спуск. На этот раз выстрел оказался результативнее. Яблоко взорвалось, обдав кровью нижние ветви. И сразу к алому пятну потянулись жадные корни – как хозяина яблока, так и его соседей. Медленно, но неотвратно.

– Сойдет, – кивнул Снайпер. И поморщился. – Пакость какая.

– Ты о чем? – удивился Данила, донельзя довольный результатом своего выстрела из древней фузеи.

– Да так. Флора у вас тут больно мерзкая.

– Ты про деревья, что ль?

Вот интересный гость из прошлого попался. А какими, интересно, еще могут быть деревья?

– Да ладно, проехали. В общем, так. Слушай обязанности второго номера, то есть твои обязанности. Несешь мой рюкзак и осуществляешь огневое прикрытие, причем про очереди забудь, стрельба только одиночными. Наблюдаешь за местностью, особенно за тем, что у меня за спиной делается. В случае погони замещаешь следы, разведчик должен знать, как это делается. Если надо будет, лезешь на дерево или куда придется и с более высокой точки корректируешь огонь. Растяжки ставишь тоже ты, если будет чем, конечно, – усмехнулся Снайпер. – Вопросы есть?

Вопросов не было. Нормальная инструкция для боярского телохранителя в отсутствие оруженосца с поправкой на старинное оружие. Исходя из того, что слово разведчика нерушимо, и он дал согласие быть «вторым номером», нормально. Главное, сапоги не чистить и шапку не ломать, что порой бояре пытаются заставить делать молодых воинов. Остальное вполне по чину.

– Ну что ж, стрелок, пошли, – сказал Снайпер и, разведя руками живую стену из стеблей вьюна, шагнул наружу.

Над горизонтом занимался багряный рассвет, будя рукокрылов, которые в отличие от своих предков спали не вниз головами, а застывали по ночам на вершинах развалин, словно статуи демонов. Везде, куда хватало взгляда, были эти развалины, к виду которых кремлевские привыкли с малолетства. Интересно, какими были дома вокруг Кремля, прежде чем их развалили снаряды, а потом доломало время? Иной дом, наполовину занесенный землею и поросший травой, уже и на дом не похож, а так, не пойми чего – холм, из которого местами выглядывают слепые квадратные провалы, когда-то бывшие дверями и окнами.

Данила обернулся посмотреть при свете на здание, приютившее их на ночь. Такой же холм, только обжитый не травой или мхом, а вьюном, из-под зарослей которого выглядывает полустертая рельефная надпись на черном металле «Бан.....ссии». Интересно, что здесь было написано? Названия ближайших улиц память кремлевских жителей сохранила, хотя заросшие травой тропы между развалинами вряд ли можно было назвать улицами. Вот в

Кремле – улицы, а это так, одно название и осталось. А вот чем были двести лет назад руины зданий, кто ж теперь вспомнит?

– Это что?

Данила повернул голову.

Над болотом вставал белесый туман, родной брат наведенного шамами вдоль восточной стены Кремля, только, скорее всего, естественного происхождения. А из болота на берег лезло жуткое с виду существо, держа в пасти большущую рыбину о двух головах. На болотного гостя внимательно смотрел Снайпер через прицел СВД, терпеливо дожидаясь разъяснений.

Существо было крупнее среднего человека раза в два, имело длинные пальцы с перепонками между ними на ногах и руках и грязно-бурую кожу, покрытую наростами. Пасть твари напоминала капкан, который Данила видел в музее. Над капканом возвышался мелкий по сравнению с ним череп без намека на какие-то выступы или впадины.

– Болотник, – сказал разведчик, поморщившись. Жуткая тварь питалась кровью плотоядных деревьев, а корням болотных яблонь было все равно, какую плоть жрать. Вот и сейчас между деревьями и нечистью происходил натуральный обмен.

Болотник швырнул рыбину под корни ближайшей яблони, после чего повернул безглазую башку в сторону людей и клацнул пастью.

– Не стреляй, – сказал Данила. – Однажды наши убили такого в рейде, после чего в Кремле эпидемия началась, все колодцы оказались отравленными. Человек полста на тот свет ушло, прежде чем поняли, в чем дело... И моя мать среди них... Потом колодцы как-то сами очистились, но людей-то не вернешь.

– Мои соболезнования, – сказал Снайпер, опуская винтовку. – Думаешь, сородичи болотника отомстили людям?

– Похоже на то, – кивнул Данила. – Они с водой сильно дружны.

Между тем с дерева упало несколько кровавых яблок, одно ткнуло болотника по плоскому, грязному хвосту. Мутант заворчал, повернулся, ловко собрал пастью яблоки, после чего немедленно скрылся в тумане, откуда послышался глухой всплеск.

– Пошли отсюда, место сильно поганое, – сказал Данила. – Здесь неподалеку площадь была, на которой без малого полтыщи лет назад Емельяна Пугачева казнили. С тех пор место залятым стало. То дом просядет в болото, то в кулачных боях, что здесь проводили, кого-то насмерть забьют, хотя вроде и не били особо. А после войны болото вернулось и поглотило все, что можно, несмотря на то что по Водоотводному каналу проточная вода текла.

– Ну ты прям историк, – хмыкнул Снайпер, забрасывая винтовку за плечо. – Пошли, что ли.

– Обойдем маленько, – сказал Данила. – Малый Москворецкий мост болото сожрало, а Чугунный вроде стоит до сих пор.

Идти и вправду было недалеко – рукой подать, если б не бетонно-земляные завалы, которые приходилось преодолевать, а в основном обходить. И конечно, принесенный ветром туман с болота, вонючий и плотный, словно кисель, сквозь который приходилось продираться почти вслепую. И в котором явственно слышалось подозрительное шуршание, словно миллионы крохотных ножек скребли по земле и остаткам асфальта крохотными коготками.

– Бежим! – заорал Данила. – Стальные сколопендры нас учуяли!!!

– Это что за хрень? – на бегу выдохнул Снайпер.

– Сороконожка с непробиваемым панцирем, – пояснил разведчик. Сейчас они на максимально возможной для человека скорости огибали солидный кусок рухнувшей стены. – Их тысячи в стае... Любую органику жрут... Боятся огня и воды... Черт, до моста бы успеть, пока не догнали!

Теперь они бежали по прямой – благо особо крупных препятствий под ногами не наблюдалось. Возможно, поэтому шуршание за спиной немного отдалилось.

– Вот оно, – наконец произнес Данила. – Мост!

Мост и вправду сохранился неплохо – не иначе широченные «быки» поспособствовали. Однако, пробежав по нему несколько шагов, Снайпер и Данила остановились одновременно.

– А это что еще за кусок дерьма?

Метрах в двадцати впереди, там, где заканчивались и мост, и туман, проступила желеобразная коричневая гора высотой в рост человека, перегородившая всю немалую ширину моста. Бугристое желе слабо колыхалось под порывами ветра, а вытянутая вперед дюжина трехметровых ложноножек слабо двигались, ощупывая побитый бетон перед собой.

– Придется искать другой путь, – быстро сказал разведчик. – Сколопендры все равно не отстанут. Теперь понятно, почему наши дальше Водоотводного не ходят.

– Ты на вопрос не ответил.

– Котях это, – сказал Данила. – Название такое потому, что и с виду как дерьмо и сделать с ним ничего нельзя. Думаю, охотится оно так, ждет, пока кто-то по мосту побежит, от кого-то спасаясь.

– А почему сделать ничего нельзя?

– Стрелы в нем вязнут, – пояснил Данила, – пули тоже. Бомбу кидал кто-то – бесполезно, все равно что в пруд с нечистотами. А приблизится что живое – тут оно шустрым становится. Чавк – и нет зверя. Слушай, может, побежали по набережной, а?

– Стало быть, нервный центр-то у него есть, – задумчиво проговорил Снайпер. – Дайка мне свой «Вал». Так. А теперь кинь в него чем-нибудь.

– Не стоит, – сказал Данила. – Желудочным соком плюнет, а отмыться нечем, в Водоотводном тоже вода ядовитая.

– Ты приказы не обсуждай, второй номер, а выполняй, – посоветовал Снайпер. – Когда надо спросить совета, я спрашиваю, если ты заметил. Когда не надо – не спрашиваю. Кидай давай.

Данила не стал спорить, тем более что шуршание за спиной слышалось все явственнее. Он поискал глазами чем бы кинуть, нашел существенный кусок покореженных металлических перил, держащихся на честном слове, резким движением вывернул его из бетона и, надсадно крикнув, метнул. После чего сноровисто шлепнулся на живот – котях плюется веером в направлении прилетевших подарков, глядишь, основные слюни над головой пролетят...

Но все же, что да как происходит на мосту, было интересно. Потому, рискуя зрением, Данила приподнял голову. Проследил, как перила, вращаясь в воздухе, спланировали чуть выше ложноножек и провалились внутрь... чего? А хрен его знает, что такое котях. Дерево, животное или мутант какой, не поймешь. Дерьмо и дерьмо, одним словом. Вот внутрь этой кучи и провалились перила. Раздался смачный «чавк!».

Котях, несмотря на кажущуюся медлительность, среагировал мгновенно. Посредине кучи разверзлось черное отверстие, из которого вылетел обратно перекрученный до неузнаваемости кусок металла. Вслед за чем раздалось негодующее шипение, котях надулся, готовясь харкнуть смертью в обидчиков...

Над головой Данилы раздалось несколько быстрых «пшик!», будто дождь пролился на горячую сковороду. После чего котях замер на секунду, словно соображая, что же такое произошло, – и вдруг, так и не плюнув, начал медленно растекаться на сотни ложноножек.

За несколько секунд внушительная гора концентрированного живого желе превратилась в огромную, зловонную лужу.

– Так и будешь валяться на брюхе в позе удивленной игуаны? – поинтересовались сверху.

Кто такая «игуана» Данила не знал, но, тем не менее, намеку внял и быстро вскочил на ноги. И не только в намеке было дело.

Из полосы тумана позади беглецов выплыл ковер стального цвета, покрывавший площадь около десяти квадратных метров. Ковер со скоростью быстро идущего человека плыл по земле, а за ним тянулся широкий след ядовито-зеленой слизи.

– И за ними дерьмо тянется, – сплюнул Снайпер. – Что за мир? Одна кровь и дерьмо. Похоже, пора сваливать, а то что-то не нравятся мне твои сколопендры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.